

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ЭТО СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕНОРМАЛЬНОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Следственный комитет возбудил новое уголовное дело в отношении главы Карельского «Мемориала» Юрия Дмитриева по статье «насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего». По ней срок максимального наказания составляет 20 лет лишения свободы.

27 июня сотрудники ДПС задержали руководителя карельского отделения правозащитного общества «Мемориал» Юрия Дмитриева. Сотрудники полиции остановили его машину около 20:30. По словам Екатерины Клодт, дочери Дмитриева, историк ехал в Александр-Свирский монастырь. В 20:46 на сайте телекомпании «НТВ» появилась новость о том, что Дмитриев якобы собирается уехать в Польшу. ТАСС со ссылкой на источник в правоохранительных органах заявил, что Дмитриева задержали из-за нарушения подписки о невыезде: он покинул Петрозаводск.

Окончание на с. 2 >

8 июня разразился громкий скандал, связанный с хранением информации о жертвах репрессий. Историк Сергей Прудовский рассказал, что в апреле 2018 года он направил в УВД Магаданской области просьбу предоставить информацию об отбывавшем срок в лагерях УСВИТЛага Федоре Чазове. Вначале он получил ответ, что личное дело Чазова было уничтожено в 1955 году, и послал второй запрос — предоставить архивную учетную карточку Чазова. Однако он получил ответ, что и архивная карточка осужденного недавно уничтожена.

«УНИЧТОЖАТЬ ДОКУМЕНТЫ — ЭТО СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

Согласно инструкции 2014 года, архивные карточки на человека должны уничтожаться по достижении им 80-летнего возраста. Карточка Чазова по этой инструкции была уничтожена. Трагичность ситуации в том, что эти карточки — часто последние документы о том, где люди, подвергшиеся репрессиям, отбывали наказание и вышли ли они на свободу. Их уголовные дела, как правило, уничтожались при выходе человека из лагеря в 1950-х годах, и оставались только карточки. Сохранялись лишь дела лиц, скончавшихся в лагерях, расстрелянных, иностранцев, а также представлявшие исторический интерес.

В тот же день директор Музея истории ГУЛАГа Роман Романов обратился к советнику президента Михаилу Федотову с официальным запросом, в котором писал, что последствия уничтожения карточек «могут быть катастрофическими для дальнейших исследований» истории советских репрессий.

Выступая на радио «Эхо Москвы», Роман Романов подчеркнул, что уничтожение карточки еще не реабилитированного человека означа-

ет, что в будущем нельзя будет начать процесс реабилитации. При этом, по словам Романова, сведения об инструкции 2014 года стали для него полной неожиданностью, поскольку музей уже ряд лет работает с десятками УВД и УФСБ, исправно получая оттуда требуемую информацию.

В интервью «Новой газете» Романов предположил, что документы уничтожают только в

Магаданской области, но увидел в этом опасный знак: «Мы не знаем содержание этого приказа. Я очень надеюсь, что это частный случай, но даже если документы уничтожили раз и два, это может произойти еще. В нашу эпоху все документы оцифровываются и вносятся в единые базы данных. Положительный пример — сайт Министерства обо-

Окончание на с. 2 >

Дорогие читатели!

Если Вы хотите получать газету по электронной почте, то отправьте запрос на бесплатную pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала».

Если Вы пользуетесь компьютером, сообщите свой адрес почтой, постараемся передавать с оказией.

Главный редактор
Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Виртуальная «Пермь-36» с. 3

Сторож из Золотой Горы с. 3

Украина: Евгений Захаров о реабилитации с. 4

Оюб Титиев остается за решеткой с. 6

Несоветский «Спартак» с. 7

Европейцы в Брянских лагерях с. 9

В конце мая йошкар-олинская мэрия решила не продлевать договор аренды здания, в котором находится народный музей истории ГУЛАГа. Музей существует с 2011 года как волонтерская инициатива. 8 июня музей посетил председатель Совета по правам человека Михаил Федотов вместе с несколькими музейными экспертами. Они высказали мнение, что зданию требуется срочный ремонт, и рекомендовали властям Марий Эл и Йошкар-Олы сохранить в случае ремонта музей ГУЛАГа и массовых репрессий.

Николай Аракчеев, основатель и руководитель музея, сообщил, что в июне в здании побывали эксперты из Поволжского государственного технологического университета. На основании работы экспертов, будет сделан вывод о том, аварийное ли здание. По словам руководителя музея ГУЛАГа, сейчас здание опечатано в нем отключено электричество. Для посетителей музей закрыт.

ЗАЯВЛЕНИЕ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА»

Судьба музея политических репрессий в Йошкар-Оле последние месяцы привлекает повышенное внимание общественности и даже стала предметом обсуждения на выездном заседании Межведомственной рабочей группы по увековечению памяти жертв

О СУДЬБЕ МУЗЕЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЙОШКАР-ОЛЕ

политических репрессий, образованной распоряжением президента России.

Само существование такого музея показывает, что в Республике Марий Эл к прошлому относятся с уважением и не забывают трагические страницы отечественной истории. Особо следует подчеркнуть, что в здании, которое много лет занимает музей, в годы Большого терро-

ра располагался НКВД — это сразу делает музей особо интересным для посетителей и почти уникальным: кроме него, только в Томске часть бывшего здания управления НКВД занимает музей, заслуживший уже международную известность.

Ценность собранной коллекции никто не подвергает сомнению,

Окончание на с. 2 >

25 мая в помещении «Международного Мемориала» прошла презентация трехтомника произведений диссидента и политэзика Анатолия Марченко «Мы здесь живем», только что вышедшего в «Новом издательстве». Анатолий Марченко погиб в декабре 1986 года в Чистопольской тюрьме после четырехмесячной голодовки, требованием которой было освобождение всех политических заключенных Советского Союза.

«ЭТО МОЖНО ЧИТАТЬ, НУЖНО ЧИТАТЬ И ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЬ!»

Александр Даниэль, член правления «Мемориала» и пасынок Анатолия Марченко, который вел презентацию, отметил, что разговор пойдет не только и не столько о книге, сколько о судьбе самого Анатолия Марченко.

Говоря о трехтомнике, Александр Даниэль подчеркнул, что Марченко — «автор незабываемый и издававшийся не раз — и в журналах, и отдельно». Но в середине 1990-х годов Александру Даниэлю и его брату Павлу Марченко удалось получить во Владимирском УФСБ доступ к последнему следственному делу Марченко. «И оказалось, что там содержится огромное количество рукописей, которых никто не видел, которые никогда не издавались, которые не просто дополняли, а рисовали объемный портрет литератора Анатолия Марченко, которого

мы раньше не знали. Там были значительные отрывки из его повести «Живи как все» (вдвое больше, чем известный ранее текст), автобиографические новеллы — настоящий эпос, который охватывает период с 1958 по 1981 год. Там есть и черновики, и наброски, но есть и законченные тексты. Так что это не просто презентация нового издания — это литературное открытие», — заключил Александр Даниэль.

Павел Марченко выразил благодарность всем, «кто помог сделать так, что книга вышла на бумаге и ее можно читать», начав с Александра Даниэля, которого он назвал «со-составителем книги» и «специалистом по написанию предисловий к книгам Марченко». Среди других благодарностей удостоились редак-

Продолжение на с. 4, 6 >

РЕГИОНЫ

➤ Окончание. Начало на с. 1

хотя во время выездного заседания и были высказаны серьезные и в целом обоснованные претензии к научной обработке коллек-

О СУДЬБЕ МУЗЕЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЙОШКАР-ОЛЕ.

ЗАЯВЛЕНИЕ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА»

ции и к обеспечению сохранности экспонатов.

Но это лишь одна из проблем, и не самая неразрешимая: в республике есть квалифицированные научные и музейные работники, которые могут оказать нужную помощь.

Остроту нынешней ситуации придает необходимость реставрации здания. А для этого нужно

найти временное помещение, куда можно было бы переместить коллекцию и продолжать работу.

Но не менее важно сохранить при реставрации все элементы, связанные с размещением здесь наркомата внутренних дел, поскольку именно они, более чем что-либо, делают здание уникальным памятником нашей трагической истории. К сожалению, в на-

звании объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) регионального значения «Дом Булыгина, 1835 г.» история здания в XX веке никак не отражена.

Мы знаем, что правительство Республики Марий Эл с вниманием относится к проблемам увековечения — тому свидетельство и изданные три тома Книги памяти, и предоставление музею помеще-

ния в 2010 году. Именно поэтому мы надеемся, что к моменту, когда музейная коллекция вернется в отреставрированное здание, совместными усилиями общественности и государства будут решены и все научно-методические вопросы. Мы, со своей стороны, готовы всячески этому способствовать.

Правление
«Международного Мемориала»
Москва, 2 июля 2018 г.

На снимках: Экспозиции музея репрессий в Йошкар-оле. Фото Григория Шведова.

ЭТО СВИДЕТЕЛЬСТВО
НЕНОРМАЛЬНОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

➤ Окончание. Начало на с. 1

Юрий Дмитриев был задержан. Следователи ходатайствовали о заключении его под стражу. Суд избрал меру пресечения в виде ареста на 2 месяца. 28 июня Следственный комитет возбудил против Дмитриева новое уголовное дело по статье о «насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетнего».

Адвокат правозащитника Виктор Ануфриев предположил, что новое дело возбуждено после разговора приемной дочери Дмитриева с психологом: именно на основании этих данных Верховный суд Карелии 14 июня отменил оправдательный приговор. «Следствие не может смириться с оправдательным приговором», — передает слова Виктора Ануфриева Интернет-журнал «7x7».

Ян Рачинский, председатель правления «Международного Мемориала» прокомментировал для «30 октября» ситуацию с Дмитриевым. «С моей точки зрения, дело Дмитриева в большей степени местного происхождения — местным властям его деятельность явно не нравилась. И дело даже не в том, что он привлекает внимание к прошлому, а в том, что он общается с иностранцами, привозит в Карелию иностранные делегации и открыто высказывает свою позицию по поводу актуальной политики. В большей степени преследование Дмитриева объясняется именно этим.

Дмитриев, однако, занимался критикой не местной власти, а общероссийской, в том числе украинских событий. Так сложилось, что в Карелию приезжают украинские заметные делегации, что мусолит глаза [местным властям]. Видимо, силовым структурам было дано указание, они перестарались и выдвинули дикое, абсурдное обвинение, которое рассыпалось в суде.

Второй процесс — это свидетельство ненормальности российской правовой системы. Силовики не привыкли проигрывать в судах, я не могу припомнить и дела такого. Думаю, что второе дело возникло, как так называемое «дело чести» — так понимают процесс силовики. Это не честь мундира, для них принципиально показать, что они главные суда и что он не может рассматривать дело не так, как они.

Разумеется, есть силы, которые пытаются подать дело для компромата «Мемориала» в целом. Но это, как мне кажется, не было задачей, главной целью местных властей. До того, как не было политических разногласий и украинских событий, они в целом содействовали работе Дмитриеву — не то, чтобы очень активно, но как минимум не противодействовали.

Сейчас в Чечне идет процесс над Оюбом Титиевым. Но я не сторонник конспирологии — до того, как нет оснований связывать дела, я склонен считать, что это не указ Кремля. Но это результат атмосферы, которая им создана. В этом смысле контекст создан Кремлем», — сказал Рачинский.

Сергей Кривенко, член правления «Международного Мемориала», комментируя новый поворот в деле, в эфире радиостанции «Эхо Москвы», отметил процессуальные моменты: «Со слов адвоката, никаких новых доказательств, никаких новых фактов, никаких новых обстоятельств суду представлено не было». В деле появилось заключение психолога, который общался с приемной дочерью Дмитриева, однако он сомневается, что этой экспертизе можно доверять. «Сейчас речь идет, насколько я понимаю, не о том, что заявила девочка, что там такого-то числа что-то такое было, а о некоторых интерпретациях психолога слов девочки», — пояснил член правления «Международного Мемориала».

«Мы надеемся, что опять, как и в прошлый раз, дело будет развалено, потому что реально за ним ничего нет», — добавил Кривенко, подчеркнув, что в «Мемориале» тщательно изучают все доступные материалы по делу Дмитриева, и никаких реальных доказательств вины правозащитника в них не содержится. «Я хорошо знаком с материалами дела и не нашел в них ничего, что могло бы свидетельствовать о его вине. Нет реально ни одного факта, который подтверждал бы позицию прокуратуры. Это приводит к выводу, что это дело было сфальсифицировано. Дмитриев — поисковик. Он работает по увековечению памяти жертв сталинских репрессий. Он ищет места захоронений, работает в архивах, он член республиканской комиссии по реабилитации. Видимо, такая деятельность не нравится каким-то силовым структурам. Хотя ранее власти Карелии поддерживали его работу».

Вины 62-летний правозащитник и историк, как и раньше, не признает. Новое дело возбудили спустя несколько месяцев после того, как первое с треском провалилось.

Напомним: 5 апреля 2018 года суд признал Юрия Дмитриева невиновным по делу об изготовлении порнографии. После того как суд признал правозащитника невиновным, его приемная дочь была направлена на экспертизу к психологу. Там, по словам Ануфриева, под давлением она сделала заявление о том, что она расстроена и опозорена. Именно это и стало одной из причин того, что 14 июня Верховный суд Карелии отменил оправдательный приговор.

В этом году Юрий Дмитриев стал лауреатом премии Московской Хельсинкской группы за исторический вклад в защиту прав человека и в правозащитное движение. 12 мая он принял участие в церемонии вручения премии.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Юрий Дмитриев и Ян Рачинский. Интернет-журнал «7x7»

«УНИЧТОЖАТЬ
ДОКУМЕНТЫ —
ЭТО СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

➤ Окончание. Начало на с. 1

роны «Подвиг народа». Мы должны сделать такую же работу о заключенных. Уничтожать документы — это средневековье».

Член Совета по правам человека журналист Николай Сванидзе в интервью «Эхо Москвы» заявил, что уничтожение такой картотеки может привести к тому, что в биографиях наших прадедов появится большое белое пятно.

Комментируя этот скандал, заместитель председателя совета Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» Никита Петров отметил¹, что уничтожение этих карточек «чревато тем, что мы уничтожаем определенный и практичный пласт памяти, потому что речь идет не только о вчерашних случаях, а о людях, которые сидели по уголовным статьям относительно недавно. Под эту идеологию попадают и жертвы ГУЛАГа, сидевшие по политическим статьям». Он подчеркнул, что, хотя, по идее, в Москве в главном информационном центре МВД вся информация есть, это не значит, что на местах она не содержит какие-то своеобразные уникальные сведения, которые таким образом теряются безвозвратно. «Не думаю, что это делается по глупости, но это и не умысел скрытых сталинистов. Скорее, это умысел латентно симпатизирующих советской системе людей. Они считают этот пласт информации лишним, думают, что без него всем будет спокойнее. То есть это не заговор против общественности с целью уничтожить всю память о ГУЛАГе. Это попытка применить современные нормы к прошлому, к материалам тех времен. Попытка неправильная. Мы сегодня говорим о том, что хотим жить в правовом государстве, поэтому нужно охра-

нять частную и иную тайну человека. Но Советский Союз — совсем другое государство, массово попиравшее права человека. И мы стараемся стирать память об этом под флагом работы о сегодняшнем человеке», — отметил Никита Петров, подчеркнув, что материалы советского периода должны храниться вечно, «потому что это вечный укор и вечное доказательство преступности советской системы».

3 июня на сайте МВД появилось официальное заявление «О хранении сведений в отношении подвергшихся к уголовному преследованию или реабилитированных лиц в банках данных МВД России», где отмечалось: «Учетные документы на лиц, подвергнувшихся уголовному преследованию за совершение преступлений и относящихся (ранее относившихся) к государственным, а равно на реабилитированных данной категории, хранятся в оперативно-справочной картотеке постоянно. Срок хранения учетных документов на лиц, осужденных (реабилитированных) за иные преступления, может быть продлен в случаях, если эти документы имеют научно-историческое значение».

Изымаемые из бумажной картотеки (актуальной базы данных) по истечении сроков хранения алфавитные карточки в обязательном порядке переводятся в электронный вид, что обеспечивает их постоянное хранение».

Сергей Прудовский в интервью «30 октября» отметил, что, по его мнению, ситуация, сложившаяся в Магаданской области, стала следствием неверного понимания инструкции. «Если в Магаданской области дело пошло так, то, например, в Иркутской области и в Республике Коми эти документы сохранились», — сказал он. В связи с заявлением, размещенным на сайте МВД 13 июня, Сергей

Прудовский отправил в МВД 2 запроса: первый — с просьбой уточнить, какое количество документов было уничтожено в Магадане и были ли подобные случаи в других регионах, а второй — с просьбой, раз документы переводятся в электронный вид, предоставить ему ту самую архивную карточку в электронном формате. Ответ на свои запросы историк ожидает к середине июля.

Историк Павел Полян считает, что «Казус Чозова»² не мог быть ни недоразумением, ни местным произволом: наоборот, колымская привязка обязывала к предельной осторожности и согласованности в подобных инициативах. «Мы уткнулись в решение, принятое, очевидно, в Москве. Кто-то чет выгоды под сурдинку и под ковром избавиться от прямых свидетельств преступлений сталинской эпохи. В комбинации с ползучей сталинизацией это не что иное, как классический историомор и трепанация памяти».

Сканирование карточек и перевод в другой вид архивирования, конечно, лучше, чем ничего, но разве проблема доступа этим облегчается? К тому же, как показал опыт с банком данных «Мемориала», часть ценнейшей информации опускается.

Полян полагает, что правильно было бы организовать форум с участием историков и архивистов «и в корне пересмотреть всю политику и практику памяти о репрессиях в России».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. Интернет-портал «Такие дела»
2. Газета «Ведомости» от 05 июля 2018 г.

На снимке: Архивные полки. Фото из архива НИПЦ «Мемориал»

Основатели музея истории политических репрессий Виктор Шмыров и Татьяна Курсина вместе с российскими художниками Дмитрием Врубелем и Викторией Тимофеевой, живущими в Берлине, создадут музей виртуальной реальности «Пермь-36».

ВИРТУАЛЬНАЯ «ПЕРМЬ-36»

«Виртуальный зритель сможет выбрать себе персонажа — заключенного, тюремщика или обычного наблюдателя. Будет полное ощущение присутствия. Можно будет взаимодействовать друг с другом, появятся тактильные ощущения — будет возможность ощутить вес вещи, влажность», — прокомментировал Шмыров.

Современные технологии позволяют реализовать задуманное в достаточно короткие сроки, уверен он. Игры виртуальной реальности, или «VR-игры», стали обыденностью и уже не столь дороги, как раньше. Эти технологии применяются практически во всех сферах жизни — развлечениях, строительстве, добыче полезных ископаемых и военном деле.

«Сфера развивается очень стремительно. За ней будущее. Мы

Лагерь «Пермь-36» был создан в 1946 году и вмещал в себя 1000 человек. Так он существовал до смерти Сталина. После массовой амнистии более 2/3 заключенных были освобождены, однако было решено не закрывать лагерь, туда стали переводить проштрафившихся сотрудников НКВД. Таким образом, там сформировалась так называемая «ментовская зона», рассказал Шмыров. Но в начале 1970-х туда стали свозить диссидентов и правозащитников.

«Если мир посчитал, что ГУЛАГ ушел вместе со Сталиным, то нет. Правозащитники и диссиденты находили информацию о нарушении прав граждан, голодовках, забастовках, репрессиях и предавали ее гласности. Информация уходила за границу, что стало средством давления на руководство СССР. Кремль посчитал, что для

Проект был предложен художником, автором знаменитого граффити «Братский поцелуй» на Берлинской стене Дмитрием Врубелем во время визита в Берлин основателей Музея политических репрессий «Пермь-36» Татьяны Курсиной и Виктора Шмырова в июне 2017 года. Тогда в столице Германии историки представили результаты своей исследовательской работы — виртуальную выставку «Пермские политлагеря: 1972–1992 годы». Из лекции Врубель узнал, что музей «Пермь-36» свою работу прекратил. Его закрытие возмутило Врубеля, и он решил создать виртуальную версию музея.

Соответствующий опыт у художника есть, рассказал корреспонденту «30 октября» Виктор Шмыров. Идея Врубеля проста: на основе фотографий, плана лагеря, конфигурации зданий и строений художник виртуально рисует площадку, добавляет различные элементы и придает цвет, объем. Информацию предоставляют Курсина и Шмыров, они же прописывают проект с целью поиска финансирования.

Напомним: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» был создан в 2001 году на базе бывшей советской зоны для политических заключенных.

Конфликт между краевыми властями и дирекцией музея «Пермь-36» возник в конце 2013 года. В результате организаторы музея были отстранены от работы и кураторства выставок, а весь имущественный комплекс «Перми-36», в том числе документальный архив, перешел в ведение администрации края, о чем «30 октября» подробно писала в № 120, 121, 125, 130, 132.

В начале марта 2015 года, после целой серии преследований и травли, «Пермь-36» объявила о самоликвидации и завершении своих проектов на территории Пермского края. Вслед за этим управление Минюста по Пермскому краю провело внеплановую проверку, после чего в апреле 2015 года организаторы внесли в список некоммерческих организаций (НКО) «иностранных агентов». Юристам центра не удалось отменить решение Минюста в районном суде. В июле 2015 года мировой судья признал виновными организацию и ее руководителя Татьяну Курсину в нарушении порядка деятельности НКО, выполняющей функции «иностранных агентов». Центр оштрафовали на сумму в размере 300 тысяч рублей, а Татьяну Курсину — на 100 тысяч рублей. Позже суд подтвердил это решение. Деньги на выплату штрафа собрали по системе краудфандинга (от англ. crowd-funding — «народное финансирование»). 10 августа 2016 года Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» завершил процедуру вынужденной ликвидации. Соответствующая запись была внесена в ЕГРЮЛ. После этого организация была исключена из реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранных агентов».

Первой выставкой в «обновленном» (отобранном у его основателей) музее была экспозиция о работе тюремщиков, а в апреле на официальном сайте мемориального комплекса появился текст о положительной роли секретных НИИ, в которых работали репрессированные граждане. В статье говорится, что они «с точки зрения эффективности себя оправдали».

«В итоге появится точная виртуальная копия лагеря «Пермь-36» и музейной экспозиции», — рассказал Шмыров. Надеть очки и перчатки виртуальной реальности, любой желающий сможет очутиться в лагере, рассмотреть камеры, быт заключенных и даже взять в руки любые предметы, что строго запрещено в музее. Проект крайне амбициозен: впоследствии будет возможность опробовать на себе — каково это, быть узником лагеря или надзирателем.

провели несколько встреч с айтишниками, которые заверяют — на основе виртуальной реальности грядет техническая революция», — сказал Шмыров.

Лагерь «Пермь-36» был выбран в качестве базы для постройки виртуальной модели не случайно. Этот объект уникален тем, что в нем полностью сохранился комплекс лагерных построек времени сталинского ГУЛАГа. Разумеется, объектам понадобилась реставрация, которую и провел Шмыров в начале 1990-х годов.

особых граждан нужна своя зона, и основной для нее стал лагерь «Пермь-36», — рассказал Шмыров. Лагерь стал колонией для «особо опасных» преступников — «антисоветчиков». Летом 1972 года туда поступил первый этап заключенных из Мордовии. 40% эзков имели сроки за «антисоветскую агитацию и пропаганду», остальные были — националисты, «перебежчики», не желавшие оставаться в СССР, и «шпионы».

Лагерь «Пермь-36» отличался особой жестокостью. «Очень строго соблюдались правила распорядка, а за их нарушение жестоко наказывали. В 1980-м году было построено отделение особого режима, считавшееся самой страшной тюрьмой СССР — хуже Владимирского центра. Туда сажали рецидивистов, «повторников». Люди жили, как в тюрьме — спали в камерах, раз в сутки выводились на прогулку, но, в отличие от тюрьмы, «Пермь-36» была лагерем, и эзки обязаны были работать. За невыполнение норм их наказывали. Заключенных особо изолировали, они годами не видели никого, кроме сокамерников», — сказал Шмыров.

Лагерь прекратил свое существование 31 декабря 1987 года. «Тогда выгнали последних заключенных и в феврале 1988 года имущество передали минералогическому интернату», — закончил Шмыров.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Виктор Шмыров. Экскурсия в бывший музей, 2014 г. Фото из архива Пермского «Мемориала»

СТОРОЖ ИЗ ЗОЛОТОЙ ГОРЫ

Человеческая память сохраняет самые страшные события. Прошло 80 лет от разгара Большого террора. Время неумолимо — все меньше и меньше остается живых свидетелей, знающих места скрытых захоронений жертв сталинских репрессий. Золотая Гора у деревни Шершни близ Челябинска — одно из таких огромных захоронений.

Михаил Леонтьевич Шаньгин, первый председатель Курганского «Мемориала», был живым свидетелем гибели покоящихся в этих шурфах людей. В его повести «Дороги» в журнале «Сибирские огни» (№3, 1989 г.) есть такие слова: «места в старых силосных ямах села Шершни», «А в Шершни досрочно не желаете?»

«Летом 1938 года, — писал он, — от рыжего баландера (раздатчик, разносчик пищи в тюрьме. — Примеч. «30 октября») мы узнали, что наших политических возят из Челябинского Центра в Шершни. Всю кроваво-черную работу выполняли уголовники, а энкаведэшники стояли в оцеплении и руководили процессом истребления... Местные шершевские старики рассказывали, что конвейер этот работал круглосуточно.

Не всех расстреливали. Многих привозили живыми, ставили на край шахты и убивали молотком на длинной ручке или вилами в живот. Как доставляли трупы до середины ствола, если шахта более 15 метров в диаметре? Оказывается, применили чье-то рацпредложение: в двух шагах от обрыва ставили колодезный журавль с двумя крюками на верхнем конце бады. Крюки захватывали жертву как рейфером (рейфер-крановое грузозахватное оборудование, предназначенное для захвата, перегрузки и транспортирования на небольшие расстояния сыпучих грузов, металлолома. — Примеч. «30 октября»), дергали за веревку, крючки открывались и труп падал в шахту.

Все шахты были заполнены на всю глубину костями. По обнаруженным документам (справкам НКВД) в первой шахте находились 360 скелетов — останков людей, доставленных из курганской тюрьмы, то есть проживавших в 1937–1938 годах на территории нынешней Курганской области. Даже печать резиновую нашли — «Мишкинская МТС. Профсоюзный комитет», — об этом рассказал Михаилу Леонтьевичу руководитель раскопок археолог Григорий Яковлевич Маламуд.

Михаил Леонтьевич вспоминал о своем состоянии, своих мыслях в тот момент: «Может, это не я стою, старик 70-летний, а тот парень-комсомолец 1937 года, чудом спасшийся от расстрела? Может, в этом гробу лежали бы и мои кости... Может, там останки Василия Тюменева, секретаря редакции чашинской районной газеты? Свидание через полвека...»

(Тюменев-Терехин Василий Александрович. Родился в 1906 г., Ленинградская область, г. Красноармейск. Русский, беспартийный. Секретарь редакции чашинской районной газеты «Сталинский путь». Арестован 4 июля 1937 г. Осужден тройкой при УНКВД по Челябинской об-

ласти 20 ноября 1937 г., обвинен по ст. 58-10. Приговорен к 10 годам лишения свободы. Умер в заключении. Реабилитирован 5 октября 1957 г. Курганским облсудом. Источник: Книга памяти Курганской области. — Примеч. «30 октября».)

Московские археологи работали на Золотой Горе летом 1989 года и летом 1990 года. Михаил Леонтьевич Шаньгин был там в самый разгар вскрышных работ, а позднее, пока был жив, ежегодно 30 октября на митинге, посвященном памяти жертв репрессий, призывал внуков и правнуков казненных бывать на Золотой Горе, чтобы возложить цветы, зажечь свечу.

О многих потомках, чьи родственники покоятся на Золотой горе, можно рассказать. Эту историю записала Светлана Анатольевна Архипова, учитель истории, член Курганского «Мемориала».

Читая короткую справку Книги памяти «Осуждены по 58-й», задаешься вопросом: что же такое совершил человек, если шахта более 15 метров в диаметре? Оказывается, применили чье-то рацпредложение: в двух шагах от обрыва ставили колодезный журавль с двумя крюками на верхнем конце бады. Крюки захватывали жертву как рейфером (рейфер-крановое грузозахватное оборудование, предназначенное для захвата, перегрузки и транспортирования на небольшие расстояния сыпучих грузов, металлолома. — Примеч. «30 октября»), дергали за веревку, крючки открывались и труп падал в шахту.

В Курганском городском архиве общественно-политического документации хранится дело № 5223 (старый номер — 18709) Лелькиша Ивана Ивановича (фонд № 6905), которое может пролить свет на его судьбу.

В анкете указано, что при аресте у Ивана Ивановича были изба, корова, паспорта не было. Состав семьи — жена Агриппина Демидовна Шелепова, дочь Екатерина 16 лет, сын Иван 9 лет.

Родился он в Австро-Венгерской империи, первая жена — Шуллис Юлия Михайловна. В 1914 году у них родился сын Иван. В начале Первой мировой войны Лелькиш был призван в армию. В мае 1915 года был взят в плен русской армией под Галицией во время разведки.

4 месяца он работал у крестьян в деревне Дубровка Дубровской волости Оханского уезда Пермской губернии. Затем был переведен на Шайтанский завод на станции Хрумнек за Свердловском, где делали конские подковы. Там он проработал 2 года. Затем 2 месяца пробыл в Свердловском лагере для военнопленных, затем — 4–5 месяцев в Семипалатинске. С наступлением Колчака Лелькиша послали работать на железной дороге в городе Павлодаре, где он провел около 6 месяцев. Весной 1919 года бежал из лагеря и устроился на сельхозработы в деревне Девятая Михайловской

Окончание на с. 11

На снимке: Мемориальный комплекс «Золотая гора» Фото из архива Курганского «Мемориала»

РЕГИОНЫ

ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВ:
«НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ЗАКОНА ТРЕБУЕТ
СУЩЕСТВЕННОЙ ПЕРЕРАБОТКИ»

13 марта 2018 года Верховная Рада Украины приняла во втором чтении и в целом законопроект № 6574 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно усовершенствования процедуры реабилитации жертв репрессий коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов», которым почти полностью обновила закон о реабилитации жертв политических репрессий от 17 апреля 1991 года. 2 мая закон вступил в силу. Что же изменилось?

Евгений Захаров, руководитель Харьковской правозащитной группы, член правления Международного общества «Мемориал» с 1994 года, провёл краткий анализ новой редакции украинского закона о реабилитации жертв репрессий.

Цель закона — восстановление прав лиц, которые были осуждены во внесудебном порядке, а также осужденных за деяния, которые не считаются преступлениями в цивилизованном обществе. Казалось бы, можно было бы радоваться, что вот наконец имеем радикальное обновление закона, который теперь охватывает все категории репрессированных, и справедливость наконец торжествует. Однако внимательный анализ определения репрессий и новых процедур предоставления статуса реабилитированных заставляет требовать пересмотра этого закона.

РЕАБИЛИТИРОВАТЬ ВСЕХ?

Авторы законопроекта решили, что реабилитации, в частности, подлежат все репрессированные внесудебными органами, поскольку они были лишены права на справедливый суд. Желая реабилитации тех борцов за украинскую независимость, которым ранее в ней отказали, авторы законопроекта исключили оговорку, указанную в статье 2 старого закона:

«Не подлежат реабилитации лица, в отношении которых в материалах уголовного дела есть совокупность доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения их к ответственности за:

— измену родине, шпионаж, диверсии, вредительство, саботаж, террористические акты;

— преступления против человечества и человечности, карательные акции против мирного населения, убийства, истязания граждан и пособничество в этом оккупантам в период Великой Отечественной войны;

— вооруженные вторжения на территорию Украины, организацию вооруженных формирований, совершивших убийства, разбои, грабежи и другое насилие, и личное участие в совершении этих преступлений».

То есть действует презумпция, что сфальсифицированы все доказательства совершения перечисленных преступлений по уголовным делам репрессированных. Все эти дела уже были пересмотрены прокуратурой, то есть фактически принятый закон призван реабилитировать тех, кому прокуратура отказала в реабилитации, ссылаясь на статью 2 действующего закона. И таких людей много.

ПРИМЕРЫ НЕСПРАВЕДЛИВЫХ
ОТКАЗОВ В РЕАБИЛИТАЦИИ

Обвинения в диверсиях, вредительстве и саботаже были очень распространены во время искусственного голода 1932–1933 гг., прежде всего относительно председателей колхозов, учетчиков, бухгалтеров, которые пытались каким-то образом спасти людей от голода и шли на разные хитрости — например, оплачивали заработанные трудодни. Люди по-разному сопротивлялись государственной политике, направленной на то, чтобы не выдавать никому хлеб до тех пор, пока не будет выполнен спущенный сверху абсолютно нереальный план по хлебо-

заготовкам. Многие осужденные по таким уголовным делам так и не были реабилитированы.

Харьковская правозащитная группа (ХПГ) в середине 1990-х годов направила в управление СБУ всех областей Украины и Автономной Республики Крым списки осужденных по статьям об измене Родине с просьбой пересмотреть их дела и сообщить о перспективах их реабилитации. Списки составлялись нами на основе базы данных учетных карточек заключенных Дубровлага и Пермских политических лагерей, которая была создана Российским «Мемориалом» и ХПГ. В этих списках было 446 человек. Реабилитированными оказались только 25 репрессированных, хотя даже по скудным данным в этих списках можно было полагать, что приговоры были необоснованными.

Последние 35 лет советской власти приговоры «за измену Родине» чаще всего получали люди, которые пытались бежать из СССР. На сайте ХПГ изложено 115 таких историй, собранных из разных источников. Обычное наказание в таких случаях было 10 лет лишения свободы. Эти люди в большинстве своем не реабилитированы. Членом Харьковской городской комиссии по восстановлению прав реабилитированных неоднократно приходилось сталкиваться с отказом в реабилитации, но при новом тщательном и неформальном просмотре этих дел выяснялось, что люди были репрессированы необоснованно. Вот некоторые конкретные примеры.

1. К нам обратилась Ульяна Петровна Ужик, 1915 г.р. Ее семью раскулачили и выселили из дома. Отец, мать, 2 брата и она, еще несовершеннолетняя, пошли в лес, выкопали землянку, колодец, на поляне разбили огород и так некоторое время жили. Когда начались аресты раскулаченных, энкавэдисты пришли арестовывать отца и братьев, но семья закрылась в землянке и отказалась выходить. Тогда энкавэдисты залили землянку водой, и, когда вода почти заполнила землянку, отец и братья, пытаясь защитить семью, вышли с вилами из землянки. Они были расстреляны на месте, а 15-летней Ульяне изменили возраст (приняли один год), судили и дали срок 10 лет по двум статьям УК — за контрреволюционную пропаганду и вооруженное сопротивление власти.

Мы обратились в СБУ Харьковской области и получили отказ в реабилитации по статье «вооруженное сопротивление власти», а по статье «контрреволюционная пропаганда» (п. 10 ст. 58 УК) она была реабилитирована. Мы обратились к народному депутату Г.А.Алтуняну, который добился реабилитации всех членов этой семьи — отца, братьев и самой Ульяны Петровны. Без усилий членов комиссии и Генриха Алтуняна Ульяна Петровна и члены ее семьи до сих пор не были реабилитированы.

Продолжение на с. 8, 11 ➤

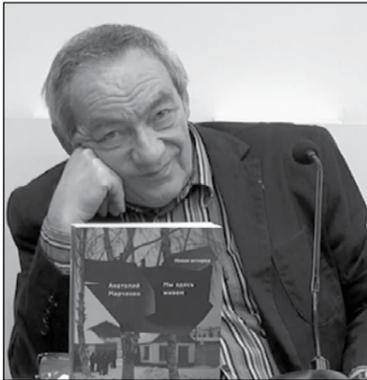
«ЭТО МОЖНО ЧИТАТЬ, НУЖНО
ЧИТАТЬ И ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЬ!»

➤ Продолжение. Начало на с. 1

тировавшая книгу Лариса Еремина, сотрудник архива «Мемориала» Алексей Макаров, без которого, по словам Павла Марченко, не было бы половины третьего тома (составленного из официальных документов по «делу Марченко») и Павел «не нашел бы многие тысячи бумажек», и председатель совета Правозащитного центра «Мемориал» Александр Черкасов, который в середине 1990-х годов сделал расшифровку всех криптонимов (Криптоним — имя, рассчитанное на то, чтобы скрыть подлинного автора произведения, псевдоним — Примеч. «30 октября») из произведений Марченко.

Андрей Курилкин, главный редактор выпустившего трехтомник «Нового издательства», отметил, что сейчас стоит задача внести произведения Марченко «в ряд других подобных книг в канон русской литературы, потому что это — хорошая проза!» «Нам очень важно чтобы фамилия Марченко ассоциировалась не столько со словом «диссидент», сколько с историей позднесоветской литературы».

Сергей Чупринин, главный редактор журнала «Знамя», рассказал, что его первая виртуальная встреча с Анатолием Марченко состоялась в 1989 году. «Это был двойной дебют: его первая публикация в России и первый номер «Знамени», который я подписывал в свет, — № 12 за 1989 год». Поддерживая слова Курилкина, Чупринин назвал творчество Марченко «талантливой прозой», подчеркнув, что даже у самых видных авторов «свободного движения» основные их произведения — это публицистика, утрачивающая актуальность. Как пример Чупринин привел Андрея Сахарова, чьи «Воспоминания», по его мнению, значительно «переве-

— «это не Марченко написал, это Лариса Богораз». Об этом шептались, а Револьт Пименов даже высказал это публично в своей статье. Эти тексты кладут конец подобным слухам», — подчеркнул Даниэль.

Екатерина Великанова, сестра участницы диссидентского движения Татьяна Великановой, связанная с Анатолием Марченко дружескими и родственными узами, также обратила внимание на то, как Марченко рос как писатель. «Дед Тихон, отец Анатолия Марченко, едва умел читать и писать, как и мать

сообщил, что Татьяне Ошепковой вручат 15 экземпляров трехтомника для передачи в библиотеки Новосибирска и Барабинска.

Екатерина Великанова, говоря о последнем тюремном сроке Марченко, заметила, что во время его ареста в 1981 году власть «играла в открытую, дав за антисоветскую агитацию совершенно убийственный срок». Что касается голодовки Марченко в 1986 году, она считает, что это была попытка «докричаться» до Горбачева. «Но когда летом 1986 года мы получили весть о бессрочной голодовке — это было сверх всякой меры, требованием, ставившим точку в судьбе Анатолия Марченко. Когда ээк объявляет о подобных требованиях, это означает только одно: конец. И хотя Марченко был человеком моно-идеи, его идея ориентировалась на жизнь, и ни о каком акте демонстративного лишения себя жизни невозможно и помыслить. Он что-то вычислил и пошел один на эту стену. Может быть, он «принюхался» к новому генсе-

«Диссиденты Центральной и Восточной Европы». Д.И. Зубарев, Г.В. Кузовкин

Биографический словарь «Диссиденты Центральной и Восточной Европы». Д.И. Зубарев, Г.В. Кузовкин

сшивают» публицистику. У Анатолия Марченко, по мнению Чупринина, ситуация принципиально иная: «Чем хорош Марченко — деятельностью, конкретикой, подробностями того, как это все было. Когда читаешь, невозможно оторваться от описаний, картин, деталей. Это можно читать, нужно читать и интересно читать!»

Александр Даниэль коснулся ходивших десятилетиями слухов об авторстве книг Марченко. «Он умел и любил разговаривать с листом бумаги, заправленным в пишущую машинку. Но после появления книги «Мои показания» пошли слухи

«это не Марченко написал, это Лариса Богораз». Об этом шептались, а Револьт Пименов даже высказал это публично в своей статье. Эти тексты кладут конец подобным слухам», — подчеркнул Даниэль.

Екатерина Великанова, сестра участницы диссидентского движения Татьяна Великановой, связанная с Анатолием Марченко дружескими и родственными узами, также обратила внимание на то, как Марченко рос как писатель. «Дед Тихон, отец Анатолия Марченко, едва умел читать и писать, как и мать

Толи. Понятно, что в детстве у него не было книжек про Тимура и его команду. И когда он начал читать, то начал не с «Тимура», а с Ленина. Времени у него было мало, и на «пустяки» он не разменивался — всегда знал, что ему нужно и что он должен», — подчеркнула она. Напомнив о знаменитой формуле, что мужчина должен построить дом, вырастить дерево и воспитать сына, Екатерина Великанова заметила, что, воплотив первую и последнюю части этой формулы, Анатолий Марченко «вместо сельхозработ выбрал иное — быть свидетелем. Он писал днем и ночью, при этом не афишируя в семье свою писательскую позицию. Его работой было писать, а работой его оппонентов — приходить и отбирать написанное». В связи с этим Великанова рассказала анекдотическую историю о том, как однажды Марченко повел за собой сотрудников КГБ, пришедших в очередной раз изымать рукописи, завел их в лесную глушь, после чего заявил, что не помнит ни куда спрятались рукописи, ни как выбраться обратно.

Вопрос об авторстве затронул и Юлий Ким, чей концерт, начатый с песни, написанной фактически на смерть Марченко, завершал презентацию. Он подчеркнул, что редактировавший «Мои показания» Анатолий Яковсон, филолог и литературный критик, по его собственному признанию, лишь расставил в нужных местах запятые. По словам Юлия Кима, произведения Марченко — это «замечательная проза».

Татьяна Ошепкова из города Барабинска Новосибирской области, малой родины Анатолия Марченко, рассказала о церемонии 80-летия со дня рождения Марченко, организованной ее мужем Петром Ошепковым, и о его предложении присвоить имя Марченко одной из городских улиц. Александр Даниэль

Окончание на с. 6 ➤

На снимках: участники вечера — Александр Даниэль, Павел Марченко, Екатерина Великанова, Андрей Курилкин. Фото автора

26 мая в Москве, в Сахаровском центре — знаменитой «Сахарнице» на Земляном валу — прошел Фестиваль свободы, традиционно приуроченный ко дню рождения правозащитника, физика, академика АН СССР Андрея Дмитриевича Сахарова. В этом году организаторы решили посвятить мероприятие главе Чеченского отделения Правозащитного центра «Мемориал» Ююбу Титиеву и украинскому режиссеру Олегу Сенцову, находящимся в заключении.

ФЕСТИВАЛЬ СВОБОДЫ

К 12:00 у входа в «Сахарницу» собралось множество людей. Часть из них изучала книги на прилавке — в основном это была литература о мрачных реалиях сталинизма, советской диктатуре, политзаключенных и репрессиях, — иные покупали футболки с изображением Титиева и Сенцова. По словам продавцов, вырученные деньги пойдут на оплату адвокатов заключенных и членам их семей. Тут же желающим предлагалось написать арестантам письма.

Спустя час началось основное мероприятие — Public talk «50 лет «Размышлениям» Сахарова: страна и мир через полвека». Напомним: в «Размышлениях», написанных Сахаровым в 1968 году, автор касается перспектив научно-технического прогресса и устройства мира через несколько десятилетий. Статья была опубликована в 1974 году в американском журнале «Saturday Review».

По подсчетам корреспондента «30 октября», в зале собралось не менее 200 человек — свободных кресел почти не осталось. Аудитория была затемнена, на небольшую сцену были направлены прожекторы. Среди заявленных выступающих были директор Института прав человека Валентин Гефтер; историк, сотрудник петербургского НИЦ «Мемориал» Александр Даниэль; политолог, руководитель программ «Международная политика» и «Политическая философия» «Шанинки» Василий Жарков; социолог, исполнительный директор Горбачев-Фонда Ольга Здравомыслова; философ, доцент школы философии Высшей школы экономики Кирилл Мартынов. Конференцию модерировал историк и журналист Николай Сванидзе.

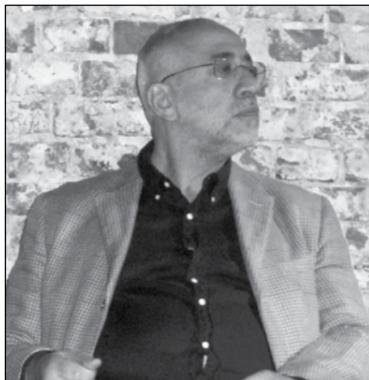
Каждый оратор получил 15 минут для выступления. Первым вышел к микрофону Валентин Гефтер, предложивший залу задуматься, почему Сахарова считают мыслителем. Отвечая на свой же вопрос, правозащитник сказал: «У Сахарова много ипостасей — это и физик, и правозащитник, занимавшийся проблемой разоружения. Но главное — это человек мысли. Андрей Дмитриевич не представлял себе свободу мысли

без отказа от догм, цензуры, авторитетов. Это он обозначил как научно-демократический подход. Без свободы невозможно решить глобальные задачи». Гефтер обратился к залу. В первом ряду сидел советский диссидент Сергей Ковалев. Гефтер напомнил, что 20 лет назад на аналогичном мероприятии Сергей Адамович назвал Сахарова рыцарем разума. Сахаров не боялся обращаться к властям, но основной его целью был отнюдь не Кремль, его мысли были направлены к современникам и потомкам. «Важна не аудитория, а то, как Сахаров менялся на протяжении последних 25

лет жизни. Его эволюция каждый раз находила нового адресата, а к концу жизни его аудитория многократно возросла», — сказал Гефтер.

В свою очередь Александр Даниэль коснулся социального аспекта «Размышлений». Для диссидентского представления о политических преследованиях, заявил историк, характерно повышенное внимание к трем видам государственного давления: прямые судебные репрессии, бесчеловечное обращение с политическими заключенными в лагерях и тюрьмах и применение психиатрии в репрессивных целях. Сахаров был ярким борцом не только за права граждан, но и за природу. Именно он, напомнил Даниэль, одним из первых поднял в СССР вопрос сохранения экологии. Экологи не были частью диссидентского универсума, что делало их положение в стране незаметным, но ситуация несколько исправилась после того, как Сахаров познакомился со студентом Московского энергетического института, который сообщил, что на берегу Байкала намечена стройка производственных цехов целлюлозного комбината. Согласно планам Кремля, на берегах Байкала должны были быть возведены несколько многоэтажных корпусов, устойчивых к землетрясениям, так как сейсмологическая ситуация в этом месте довольно опасна. В озеро должны были скидывать отходы, леса по берегам планировалось вырубить. Изучив эти данные, Сахаров пришел к выводу, что стройка приведет к катастрофе и погубит замкнутую экологическую систему Байкала. Кроме того, строить завод на берегу озера было банально опасно. Свои мысли Сахаров изложил Леониду Брежневу в личном телефонном разговоре, однако первый секретарь ЦК КПСС самоустранился и вежливо перенаправил академика к Алексею Косыгину. Спустя некоторое время Сахаров узнал, что на заседании Совета министров все же было принято решение начать стройку. Как сказал тогда президент Академии наук Мстислав Келдыш, «защита системы Байкала является полностью надежной». «Через 2 года комсомольская экспедиция могла фотографировать на Байкале массовую гибель рыбы и зоопланктона

от аварийных сбросов», — вспоминал Сахаров.

Даниэль отметил, что хотя Андрею Дмитриевичу не удалось отменить стройку, однако именно он стал одним из первых советских защитников природы.

Слово взяла Ольга Здравомыслова, которая продемонстрировала фотографии Сахарова и Горбачева. «Бросается в глаза их внешнее сходство, хотя возрастная разница — 10 лет», — начала социолог. Она коснулась времен Перестройки и, в частности, речи Горбачева по поводу смерти Сахарова, в которой Горбачев отмечал: «С нашего первого разговора начались наши дискуссии». «Я обращаю внимание, что их дискуссия, как диалог, получилась, потому что была единая ценностная основа, идейная и человеческая близость, несмотря на разные биографии и возраст. Тем не менее, оба они — люди, принадлежащие к удивительной и уникальной эпохе — эпохе оттепели, «шестидесятничества», — сказала Здравомыслова.

«В «Размышлениях» Сахаров говорит о наиболее значимых для него вещах: «Человеческому обществу необходима индивидуальная свобода, свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков», — сказала Здравомыслова, — Сахаров высказывал идеи, созвучные Перестройке, и эти идеи были подхвачены Горбачевым». Она процитировала высказывание Горбачева: «Рассуждения Сахарова были правильными — о конвергенции, мирном сосуществовании, демократии. Это были мысли, которые, по существу предвещали Перестройку».

Кирилл Мартынов в своей речи коснулся связи «Размышлений» с технологическим прогрессом, связи государства с интернетом. «Сеть уже не является агентом свободы, а власти чаще всего выступают агентами цензуры», — отметил Мартынов. — И если в западных государствах имеется некий, пусть и хрупкий, баланс, то в России ситуация гипертрофирована: используя методы цензурирования и законодательство, позволяющее привлекать людей к уголовной ответственности за тексты, репосты, лайки и цитирование, власти способны нейтрализовать неугодных лиц, обвиняя их в разжигании межнациональной розни, экстремизме. Законодательство рыхлое и позволяет [власти] делать все, что угодно».

«Для меня, прежде всего, интересно, какие риски ставит Сахаров перед научным прогрессом. На первый взгляд, Интернет представляет собой мечту знаменитого физика об интеллектуальной свободе: даже в конце XX века. Мы современные люди, не могли мечтать, что в кармане, в телефоне окажется вся история человечества. В идею Интернета

было заложено, что научный прогресс неминуемо ведет к социальному прогрессу и процветанию, но выяснилось, что сеть — это не светлое будущее. Сегодня Интернет применяется для ведения гибридной войны — частично танками и зенитками, частично пропагандой, «троллингами» — «окологосударственными» людьми, пропагандирующими нужные властям идеи. Идеализирование Интернета неверно. Власть использует сеть в своих целях... К примеру, точечные репрессии, которые позволяют обвинить человека в чем угодно лишь за собственное мнение», — сказал Мартынов.

Завершил выступление Василий Жарков, коснувшийся темы международной журналистики и международных отношений. «Если вы посмотрите статистику, то самый цитируемый автор на эту тему...» — эксперт замолчал. Сванидзе попросил назвать фамилию. Жарков ответил: «Это Дугин». Зал смеялся, на что руководитель программы «Международная политика» «Шанинки» заметил, что «ситуация скорее грустная». По его словам, самыми главными тезисами «Рассуждений» Сахарова были освобождение политических заключенных и «немедленная, полная правда о сталинизме».

Официальная часть конференции закончилась, в зале включили свет, но внезапно на сцену вышел журналист Виктор Шендерович. Его не было в списке участников конференции, однако возражать против выступления никто не стал. Как оказалось, Шендерович пришел, чтобы выставить на аукцион свою книгу «Лец. XX век», в которой собраны афоризмы чешского писателя Станислава Ежи Леца. Вырученные деньги пошли на поддержку Титиева и Сенцова.

«Том весом 3 кг 300 граммов. Лец — гений афористики. После смерти Сахарова я увидел фотографию фотографа Вяткина, как Сахаров, сгорбившись, уходит со Съезда народных депутатов, а мрачные депутаты смотрят ему вслед. Я подумал, что к этой картинке отлично подходит афоризм Леца: «Может ли съеденный туземцами миссионер считать свою миссию выполненной?», — начал Шендерович.

С начала 1990-х годов Шендерович собирал афоризмы Леца, изучал рукописи, тетради. 3 года назад его дочь, уехав в Варшаву, познакомилась с сыном Леца. После этого Шендеровичу удалось выкупить права на множество фотографий. Именно они, в общей сложности 187 снимков, совместно с афоризмами и составили книгу.

В свойственной ему эпатажной манере Шендерович начал торги, предложив начальную цену 3 тысячи рублей. Он рекламировал разворот с фотографией Владимира Путина и афоризмом: «У кого в аду были погоны, тот и в раю с аксельбантами».

«Я пришел за вашими деньгами, — шутил Шендерович. — Книга вышла на трех языках. На украинском в том числе. Это я цену набиваю, вы поняли! И так! Единственный экземпляр! Я не вижу рук. За 3 тысячи рублей я сам куплю и себе же продам!.. Нарастивать будем по тысяче! Слышу 4, 5 тысяч. Буду го-

ворить ме-е-едленно. О! 6 тысяч! 7? Надо было делать шаг в 5 тысяч. 9, 10 тысяч рублей... Минутку, а где Сванидзе?! Работники государственных каналов тоже должны принимать участие!» — говорил Шендерович. Публика отвечала хохотом.

Когда ставка поднялась до 33 тысяч, Шендерович заявил, что книга продается «всего по 10 тысяч за килограмм, что, конечно же, дороже осетров», но поскольку «я один, то денег не жалко». Не торопясь в зал вошел Николай Сванидзе, который сразу же был торпедирован Шендеровичем: «50 тысяч, Николай Карлович?!» — «Что скажет купечество?!» — парировал Сванидзе. Книга ушла за 60 тысяч рублей. Покупателем оказался неизвестный мужчина, который сообщил, что книга будет подарена Елене Захаровой — активистке, выступающей за освобождение Сенцова.

В завершение мероприятия Николай Сванидзе дал интервью корреспонденту «30 октября». «Сегодня сахаровские идеи напрямую коррелируют с преследованием правозащитников — в частности Ююба Титиева. Призывы Сахарова к свободе мысли и свободе политзаключенных актуальны и сегодня. Времена изменились на календаре, мы живем в другой стране, но бороться за свои права актуально».

В России наибольшему давлению подвергаются правозащитники, работающие на Северном Кавказе, в частности, в Чечне, заметил Сванидзе. «Потому что там выстроена жесткий режим, вполне автономный в том, что касается законодательства России. Это государство в государстве, причем авторитарное, восточного типа. Законы не исполняются и в ряде других регионов РФ, что говорить о Чечне, где особый режим», — закончил Сванидзе.

В связи с этим уместно вспомнить дело журналиста «Кавказского узла» Жалауди Гериева. 16 апреля 2016 года Гериев был похищен вооруженными людьми по дороге в аэропорт, когда уже купил авиабилет и прошел электронную регистрацию. После похищения силовики отобрали у него телефоны и рюкзак, куда были подброшены наркотики. Вооруженные люди отвезли журналиста в лесополосу и допрашивали, скрутив ему руки проволокой и надев на голову пакет.

Гериева при этом обвиняли в действиях против властей Чечни, задавали вопросы о его журналистской деятельности и заставили признаться в хранении марихуаны. В ходе судебного разбирательства адвокат Гериева Алауди Мусаев заявил о фальсификации ключевого свидетельства по делу — пакета, в котором якобы находились наркотики. Тем не менее, журналист был приговорен к трем годам тюрьмы. Приговор оставили в силе и Верховный суд Чечни, и Верховный суд РФ.

После конференции прошли поэтические чтения под эгидой ассоциации «Свободное слово». В них приняли участие Сергей Гандлевский, Лев Рубинштейн, Александр Гельман, Геннадий Каневский и многие другие.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент Интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Книжный развал в Сахаровском центре. Кирилл Мартынов, Ольга Здравомыслова, Николай Сванидзе.

Футболки с портретом Ююба Титиева.
Фото автора

Жалауди Гериев.
Фото Патимат Махмудовой

ОЮБ ТИТИЕВ ОСТАЕТСЯ ЗА РЕШЕТКОЙ

5 июля Верховный суд Чечни отклонил ходатайство защиты главы Грозненского «Мемориала» Оюба Титиева, добивавшейся изменения территориальной подсудности его дела. 9 июля, после заседания Шалинского горсуда, юристы «Мемориала» направили в Страсбург жалобу Оюба Титиева против России.

Суд продлил арестованному в январе правозащитнику срок содержания под стражей до 22 декабря и назначил на 18 июля рассмотрение по существу его уголовного дела.

ЗАКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПЕРЕНЕСЕНО

Назначенное на 3 июля предварительное слушание по делу главы Грозненского «Мемориала» Оюба Титиева должно было пройти в закрытом режиме. Ранее Титиев пожаловался на информационную изоляцию в СИЗО — он получает не все адресованные ему письма, а руководство изолятора не разрешает поставить в камеру радиоприемник или телевизор, сообщил адвокат Титиева.

Однако заседание суда в Шалинском районе Чечни было перенесено на 9 июля. Адвокаты подали ходатайство о рассмотрении дела в другом регионе, например в Москве. Они считают, что это необходимо, поскольку руководство республики не раз высказывалось о виновности Оюба Титиева. По мнению защиты, тем самым было оказано давление на представителей судебной власти. Глава Чечни Рамзан Кадыров несколько раз публично называл Оюба Титиева «наркоманом». В январском интервью изданию Daily Storm глава Чечни со ссылкой на свидетеля заявил, что «Титиев курил анашу», но свидетель обвинения позже не смог опознать Титиева.

Руководитель программы «Горячие точки» Правозащитного центра «Мемориал» Олег Орлов уверен, что «фальсификации в деле Титиева очевидны для всех на фоне преследования правозащитников на Северном Кавказе». «То, что это фальсификация, теперь очевидно всем, даже не друзьям. Это дело — звено, главное звено в цепи собы-

тий выдавливания правозащитников из Чечни», — считает он. Орлов напомнил, что в конце декабря 2017 года спикер парламента Чечни Магомед Даудов выступил с угрозами в адрес правозащитников, назвав их врагами.

13 июня Олег Орлов отметил, что имеет место давление на адвокатов. «Ситуация вокруг процесса совсем не простая и не благостная. Сожгли машины назрановского и дагестанского офисов «Мемориала», на которых ездили адвокаты, а в Дагестане угрожали сжечь и сам офис. Первый из адвокатов Оюба Султан Тельхигов был вынужден уехать из Чечни и из России. В нынешней группе из трех адвокатов есть договоренность — работать только по двое. В одиночку даже адвокату из Москвы работать опасно», — сказал Олег Орлов.

ЗАСТАВИТЬ «МЕМОРИАЛ» УЙТИ ИЗ ЧЕЧНИ

14 мая 60 человек, среди которых были деятели науки и искусства, представители духовенства, журналисты и правозащитники, обратились с письмом к президенту России Владимиру Путину, призвав его обеспечить передачу дела главы Грозненского представительства «Мемориала» Оюба Титиева на федеральный уровень. Обращение к президенту подписали в числе других актрисы Лия Ахеджакова, Чулпан Хаматова, Юлия Ауг, филолог, член-корреспондент РАН Николай Гринцер, историк, член-

корреспондент РАН Аскольд Иванчик, режиссеры Гарри Бардин, Павел Лунгин, Алексей Янковский, поэт, бард Юлий Ким, испытатель космических систем, Герой России Сергей Нефедов и другие.

В своем обращении деятели искусства и науки, журналисты, представители духовенства попросили президента России взять это дело на контроль и положить конец травле «Мемориала».

В свою очередь глава Чечни Рамзан Кадыров назвал давлением на следствие и суд письмо президенту о деле Титиева. Людям, подписавшим письмо, глава Чечни посоветовал дожидаться решения суда и обжаловать его в вышестоящей инстанции. Кадыров сказал, что «Мемориал» является не единственной организацией, осуществляющей правозащитную деятельность в Чечне. А чеченский Совет по правам человека выразил «полную и безоговорочную поддержку позиции руководителей республики» и «сожаление по поводу позиции, занятой в данном вопросе председателем Совета по правам человека (СПЧ) при президенте РФ Михаилом Федотовым».

4 июля стало известно, что Генпрокуратура России, изучив заключение СПЧ по делу главы Грозненского «Мемориала» Оюба Титиева, потребовала организовать проверку обстоятельств задержания правозащитника.

«Принимая во внимание, что по изложенным доводам руководителями нижестоящей прокуратуры решения не принимались, с целью оперативного реагирования на возможные нарушения закона прокурору Чеченской Республики поручено организовать проверку сообщаемых сведений и информировать о результатах», — говорится в письме из генпрокуратуры, опубликованном на сайте СПЧ.

РЕАКЦИЯ В ЕВРОПЕ

27 июня Европейская служба внешних связей распространила заявление относительно дела Титиева. В нем европейские дипломаты назвали сомнительным обвинение в хранении марихуаны и связали преследование Титиева с его правозащитной деятельностью, напомнив о других «агрессивных действиях» в отношении «Мемориала» на Северном Кавказе — поджогах в январе офиса «Мемориала» в Назрани и автомобиля организации в Махачкале, угрозах, поступивших правозащитникам после второго поджога, и о нападении в конце марта на главу Дагестанского представительства ПЦ «Мемориал» Сиражудина Дациева. (Ранее, 8 февраля, Европейский парла-

20 июня 2018 г. СПЧ при Президенте РФ в своем научно-консультационном заключении пришел к выводу, что процессуальная проверка Следственного управления СК РФ по ЧР по заявлению Оюба Титиева была проведена с нарушениями законодательства, неполно и неэффективно, в ее ходе намеренно не проверялись обстоятельства, установление которых неизбежно вело к выводу о фальсификации дела, а постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенные по результатам проверки, являются необоснованными.

СПЧ направил это заключение в Генеральную прокуратуру РФ для рассмотрения и принятия мер прокурорского реагирования.

Генеральная прокуратура РФ поручила прокурору Чеченской Республики проверку обстоятельств расследования дела Оюба Титиева.

26 июня Верховный суд ЧР отклонил апелляционные жалобы адвокатов О. Титиева на отказ в возбуждении уголовного дела по заявлению о подбросе ему наркотиков сотрудниками полиции и обжалованию продления его ареста. Суд признал доводы научно-консультационного заключения СПЧ при президенте РФ и отказался приобщить документ к материалам дела.

5 июля Верховный суд Чечни отклонил ходатайство защиты Титиева об изменении территории подсудности дела, отметив, что оно подсудно Шалинскому городскому суду.

Оюб Титиев участвовал в оглашении решения суда посредством видеоконференции и потребовал от адвокатов обжаловать оба решения суда. Защита Титиева сообщила о намерении подать жалобу.

Напомним, что, по мнению защиты, дело должно рассматриваться за пределами Чечни, так как руководство республики не раз высказывалось о виновности Оюба Титиева. По мнению защиты, тем самым оказано давление на представителей судебной власти.

9 июля суд постановил продлить меру пресечения в отношении Оюба Титиева на шесть месяцев — до 22 декабря 2018 года, сообщил в своем Telegram-канале Правозащитный центр «Мемориал». Суд согласился с мнением прокурора, что, оставаясь на свободе, Оюб Титиев может скрыться от суда или иным образом воспрепятствовать производству по делу.

мент призвал «незамедлительно освободить задержанного [...] главу Чеченского отделения правозащитной организации «Мемориал» Оюба Титиева.) В заявлении говорится, что судебное преследование Оюба Титиева «является частью вызывающей опасения череды арестов, нападений, угроз и дискредитаций работающих в Чечне независимых журналистов и правозащитников». При этом депутаты указали, в частности, на арест главы общественно-политического движения «Ассамблея народов Кавказа» Руслана Кутаева и чеченского журналиста Жалауди Гериева, в отношении которых в 2014 и 2016 годах были вынесены приговоры, основанные на «сомнительных доказательствах».

«В число международных обязательств России входит защита правозащитников. Европейский союз ожидает, что власти России будут соблюдать эти обязательства, закроют уголовное дело в отношении Титиева [...] и незамедлительно освободят его из-под стражи», — говорится в заявлении, опубли-

кованном на сайте службы внешних связей ЕС.

9 июля 2018 года в закрытом режиме прошло предварительное слушание по делу Оюба Титиева. В Москве Светлана Ганнушкина и Олег Орлов вышли с пикетом на Манежную площадь в защиту своего коллеги. Через пять минут они были задержаны полицией. На правозащитников был оформлен протокол по ч.5 ст. 20.2 КоАП.

Суд постановил продлить меру пресечения в отношении Оюба Титиева на шесть месяцев — до 22 декабря 2018 года.

По материалам интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu и Правозащитного центра «Мемориал» memohrc.org

На снимках: Оюб Титиев и адвокат Павел Зайкин.

Светлана Ганнушкина и Олег Орлов на Красной площади 9 июля 2018 г. Фото пресс-службы ПЦ «Мемориал»

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

«ЭТО МОЖНО ЧИТАТЬ, НУЖНО ЧИТАТЬ И ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЬ!»

➤ Окончание. Начало на с. 1, 4

ку и стремился передать ему послание — «Я знаю, что Вы сами хотите освободить политзаключенных. А для меня это единственный способ сделать так, чтобы Вы услышали». Возможно, что он смог добиться того, что он требовал. Из его последнего (к сожалению, утерянного) письма Ларисе Богораз мне запомнилась фраза: «Ларка, мы победили!». Что это было — непонятно, но ясно, что устным заверениям он бы не поверил», — заключила она.

Александр Даниэль рассказал, как Марченко уже после смерти помог диссиденту Анатолию Щаранскому. «Щаранский после

отъезда в Израиль стал там важной шишкой. Но есть в Израиле человек, который сделал своей профессией различные разоблачения. И вот он написал книгу, в которой доказывал, что Щаранский — агент КГБ (Юлий Нудельман «Щаранский без маски». — Примеч. «30 октября»). Будь тот обычным человеком — просто посмеялся бы, но поскольку он был человек государственный, то пришлось ему подавать в суд. И вот, звонит мне моя приятельница из Израиля и спрашивает: «А «Мемориал» не может поддержать Натана в суде?» Начинаем думать, как. И вот она говорит мне, что Нудельман, доказывая, что Щаранский был

агентом КГБ, заявляет, что Щаранский, мол, сам пишет, что был в лагере дневальным, а это — блатная должность, и это доказывает, что Щаранский был агентом. А я только что смотрел личное дело заключенного Марченко и говорю: «В документе, который у меня в руках, рассказывается, что Анатолий Марченко тоже некоторое время был дневальным. Вряд ли Нудельман и его объявит агентом КГБ». Израильскому суду была представлена заверенная копия страницы этого дела, и благодаря и ей, в том числе Щаранский выиграл процесс».

Иван Ковалев рассказал об избении Марченко в лагере из-за

его попытки противостоять ужесточению режима и подчеркнул, что, хотя это избиение сильно сказалось на здоровье Анатолия Марченко, его организаторы и участники не были привлечены к ответственности. «Участники избения известны, но неизвестно, чтобы были ли приняты в отношении них какие-то меры», — заметил Ковалев.

Выступавшие отмечали явные тягостные параллели тех времен с днем сегодняшним. Так, Александр Даниэль подчеркнул, что презентация проходит в дни, когда происходят события, очень напоминающие историю гибели Анатолия Марченко, — голодов-

ка Олега Сенцова, чьи требования очень сильно напоминают требования Марченко. О том, что времена повторяются, сказал и Юлий Ким. Он подчеркнул, что ощущение духоты сопровождает его всю жизнь, изредка прерываясь в 1960, 1985, 1991 годах. В итоге организаторы презентации подготовили специальные открытки с фотографией Марченко, которые участники презентации могли отправить со словами поддержки Олегу Сенцову.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu специально для «30 октября»

НЕСОВЕТСКИЙ «СПАРТАК»

6 июня в Музее парка Сокольники прошла лекция Сергея Бондаренко, участника проекта «Топография террора. Это прямо здесь» на тему «Люди гибнут за «Спартак»: как репрессировали спортсменов в 1930-е годы». Сейчас, во время проведения Чемпионата мира по футболу, уместно вспомнить и проанализировать непростую судьбу одного из самых знаменитых советских футбольных клубов — «Спартака».

футбольных полей. По мере того как футбол становился популярным, понадобилось больше пространства как для самой игры, так и для зрителей, и игра перекочевала на пустыри, в парки и на неиспользуемые сельскохозяйственные поля.

В 1920-х годах начали появляться сложившиеся футбольные команды. Люди стали приходить на матчи тысячами, болеть и обсуждать игры. Логичным исходом, по мнению Бондаренко, было бы появление профессии «футболист», однако этого не произошло. «С точки зрения социалистической экономики, футболист ничего не производил. Идея заработка игрой в футбол

звано государством «сверху». Предполагалось, что «Динамо» будет «пронизывать» всю страну. Так появились футбольные команды «Динамо» (Тбилиси), «Динамо» (Киев), «Динамо» (Москва) и прочие. Спортивное общество контролировалось органами правопорядка — в разное время милицией, НКВД, КГБ», — сказал Бондаренко.

Локальные команды благополучно участвовали в турнирах. Успешнее всех выступала «Красная Пресня», которая не меняла игрового состава и имела спонсора, зарабатывая деньги. «В короткий период НЭПа это было возможно. Тогда команда могла существовать как самоокупаемая структура. Игроки не ходили на завод, понимая, что могут заработать деньги футболом», — рассказал Бондаренко.

В 1930-х годах закончился НЭП и вместе с ним относительная экономическая свобода. Наступила коллективизация. Людей начали массово посылать на строительство городов и заводов. Трудовые коллективы стали создавать свои спортивные общества: к примеру, в «Локомотив» входили железнодорожники, а в «Торпедо» — рабочие завода им. Сталина. В 1935 году возникло общество «Спартак», однако, в отличие от других спортивных обществ, его члены не принадлежали к какой-либо структуре. «Членами [«Спартака»] были мелкие служащие, оказавшиеся вне какого-либо объединения, — например, парикмахеры, торговцы на рынках, таксисты, то есть те, чьи профессии казались не престижными, представлявшими сферу услуг. Именно поэтому «Спартак» называют народной командой», — сказал Бондаренко.

ного общества выросла настолько, что первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев предложил во время парада на Красной площади провести матч с участием «Промкооперации». Предложение было встречено неоднозначно: НКВД сомневался, что грубые столкновения футболистов во время игры понравятся Сталину. Также чекисты опасались, что в вождя может попасть мяч. Это не менее, матч состоялся. «Было удивительно, что играло, к примеру, не милицееское «Динамо», а полувосточная, альтернативная команда», — сказал Бондаренко.

В следующем году «Промкооперация» провела матч с испанским клубом, став единственной советской командой, победившей западных гостей. На табло горел счет 6:2.

Наибольшую славу «Спартак» приобрел летом 1937 года, став чемпионом СССР, отправившись на рабочую Олимпиаду в Антверпен и выиграв ее. Николай Старостин получил значок заслуженного мастера спорта СССР.

«Спартак» был наиболее западно-ориентированной командой. Клуб использовал тактику 4-4-2, присущую европейским командам. Возглавлял клуб несоветский тренер — чех Антонин Фивебр, что, учитывая закрытость СССР, было, как минимум, удивительно», — отметил Бондаренко.

Ориентированность на Запад пошла команде во вред. Осенью 1937 года произошел перелом: в прессе появилась статья «Чуждые нравы в обществе «Спартак». В ней говорилось, что в команде играют в футбол «не по-советски», а игроки — «любители, которые не работают на заводах». Автор писал, что руководство «Спартака» «нерационально использует средства», «имеет магазин спорттоваров». «В конце статьи говорилось, что в команду прорвались враги народа и ее необходимо переделать, а виновных наказать», — сказал Бондаренко.

Перелом произошел не спонтанно: в августе 1937 года НКВД выпустило секретный приказ № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов, то есть о начале массовых арестов советских граждан. «Сегодня это называется Большой террор, в ходе которого были арестованы 1,5 миллиона человек, из которых более 800 тысяч были расстреляны», — продолжил лектор.

Футбол не стал исключением, и «Спартак» пострадал за «несоветское устройство клуба». Как рассказал Бондаренко, «Старостины пришли в ужас и обратились к Косареву, который, переговорив с Ежовым, успокоил братьев: они не будут арестованы».

Но протекция Косарева не распространилась на игроков футбольной команды и других членов общества «Спартак». Всего пострадало около 80 человек. Помимо прочих, были арестованы футболист Виктор Прокофьев, судья Владимир Стрепихеев и Виктор Рябоконт, тренер легкоатлетов Василий Стеблев, лыжники Трофим Кадрилеев и Иван Ребенчиков. Все они были расстреляны. Спасти их вряд ли было возможно, считает Бондаренко.

Обвинения были выбиты из задержанных. Так, из показаний Кадрилеева следует, что якобы на «встречах террористической организации [он] обсуждал план взрыва мавзолея вместе с вершущей СССР». Никакими фактами эти показания не подтверждались.

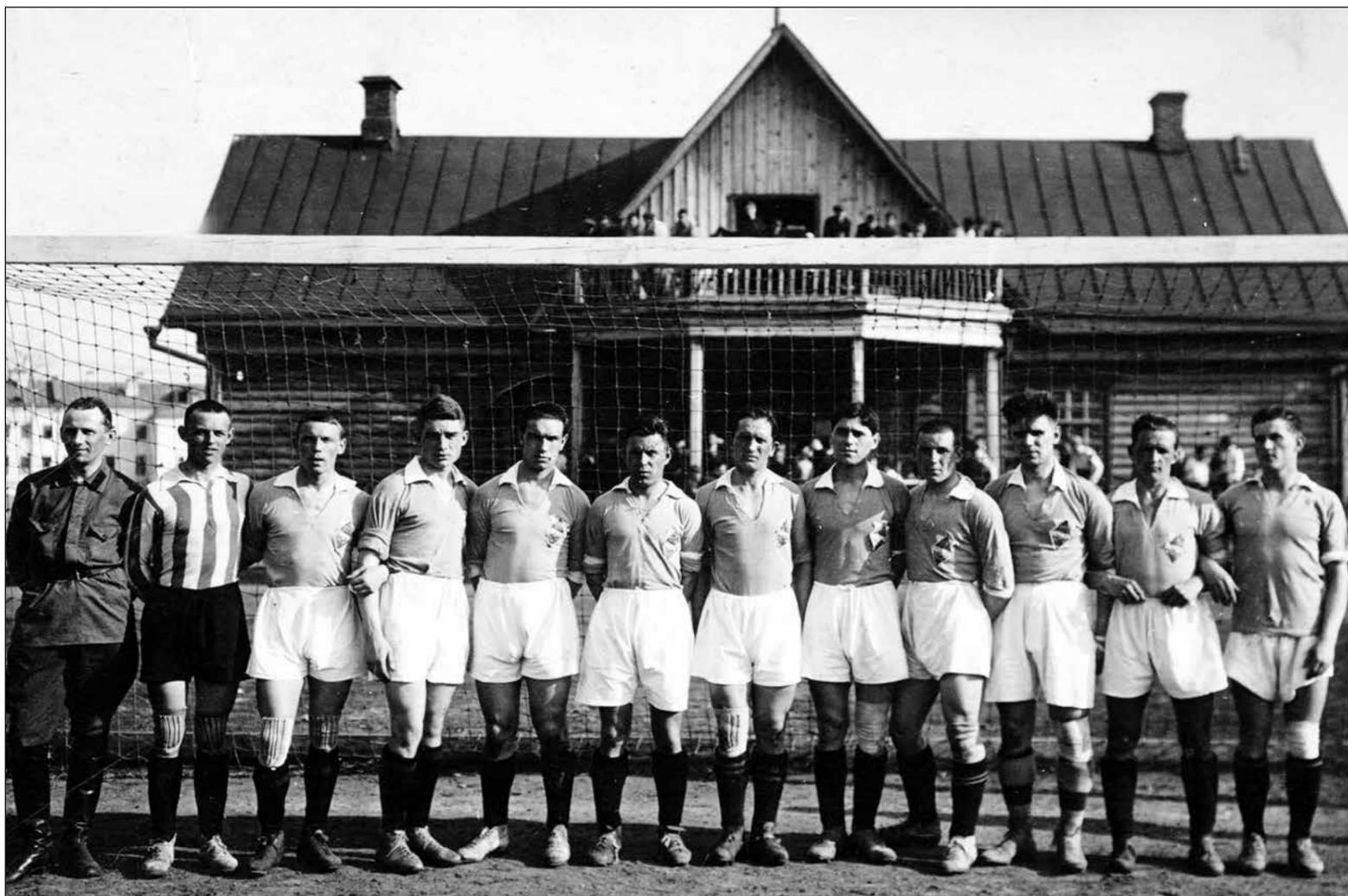
Окончание на с. 8

На снимках: Внимательные слушатели и Сергей Бондаренко.

Фото автора

Средина 1920-х годов, второй справа Виктор Прокофьев.

Фото myheritage.com

Для лекции был отведен специальный зал, который уже за 20 минут до начала мероприятия был заполнен, в связи с чем организаторам срочно пришлось искать дополнительные стулья.

Свою лекцию Сергей Бондаренко начал с рассказа об истории российского футбола. В России футбол начал развиваться в начале 1910-х годов. Это было напрямую связано с индустриализацией страны и, в частности, со строительством же-

лезных дорог, фабрик и заводов. Самыми современными технологиями строительства того времени обладали англичане, которые приезжали в Россию на временную работу, а в свободное время играли в футбол с дачниками, арендовавшими участки близ железнодорожных станций, реже — с рабочими, которые всегда были заняты.

Первые игры в футбол проходили буквально на проезжей части дорог по причине отсутствия

была неприемлема для советских граждан: работать надо было на заводе», — рассказал Бондаренко.

Одной из первых сформировалась команда «Красная Пресня» — прародитель «Спартака». Основателями ее были братья Старостины, уставшие от дворового, «дикого», как его называли в то время, футбола. А в 1923 году появилось первое в России спортивное общество — «Динамо». Оно отличалось от остальных команд тем, что было органи-

В то время «Спартак» носил название «Промкооперация» — по названию организации, выделявшей значительные средства на развитие футбольной команды. В «Промкооперации» не было политического контроля, а руководство развивало общество по западному образцу: игроки должны были ставить рекорды и делать процесс игры зрелищным, чтобы на матчи приходило как можно больше болельщиков. В 1936 году популярность спортив-

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

➤ Окончание. Начало на с. 7

Жертвами репрессий могли стать те, кто якобы «связывался с заграницей». «Еще недавно можно было взять в тренеры чеха, а спустя пару лет то же самое признавалось тяжким преступлением. Так, тренер Василий Стеблев был расстрелян за хранение немецкого журнала «Легкая атлетика». Его лучший ученик, чемпион Москвы по бегу на 1500 метров Елизар Гвоздовер был расстрелян за переводы текстов этого журнала», — рассказал Бондаренко.

Любой выезд за границу, даже в прошлом, мог стать роковым. Виктор Рябоконт был расстрелян за то, что в 1935 году встретил в Париже своего однокурсника, задолго до этого эмигрировавшего во Францию.

расстрелу Старостиных не приговорили, а отправили в лагерь. Там они возглавляли футбольные команды, и им удалось избежать тяжелых каторжных работ.

Возвращение Старостиных в Москву в середине 1950-х годов и последующая реабилитация озаменовались концом репрессий в обществе «Спартак», которому, как ни парадоксально, лагерное прошлое основателей в рекламном смысле пошло на пользу. После смерти Сталина в столицу вернулось много бывших эзков, часть из которых была реабилитирована, — именно они, как сочувствующие, стали болеть за «Спартак».

Лекция завершилась, гостям предложили задавать вопросы. Корреспондента «30 октября» интересовало, реагировал ли как-то Сталин на становление советско-

НЕСОВЕТСКИЙ «СПАРТАК»

Обвинения могли быть предъявлены и за выдающиеся спортивные достижения: к примеру, стрелок мог быть арестован лишь за то, что метко стрелял. «По мнению НКВД, меткий стрелок был опасен — он мог засесть на крышу здания напротив мавзолея и убить Сталина», — сказал Бондаренко.

Осенью 1938 года ситуация несколько улучшилась: Ежова сменил Лаврентий Берия, который прекратил давление на спортсменов. Однако вместе с Ежовым был смещен и Косарев, и «Спартак» потерял политического покровителя, что имело негативные последствия в 1942 году, когда были арестованы братья Старостины. Берия доложил Сталину, что Старостины ждут прихода немцев. Братьев обвинили не только в коллаборационизме, но и в коррупции, терроризме, попытке убить Сталина, восхвалении буржуазного спорта. Несмотря на тяжесть обвинений, к

го футбола и последовавшие репрессии. Бондаренко ответил, что Сталин слабо интересовался футболом, а аресты спортсменов «не были в приоритете». На вопрос корреспондента «30 октября» относительно преследований спортсменов в других обществах Бондаренко ответил, что репрессии коснулись исключительно общества «Спартак». «В это как раз и интерес. Преследовали «Спартак» и за связь с ним, а не за иные «преступления», — закончил Бондаренко.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: «Спартак» против команды воинской части командира Иванова на стадионе ЦДКА. 1942 г. Фото РГАКФД

ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВ:

«НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ЗАКОНА ТРЕБУЕТ СУЩЕСТВЕННОЙ ПЕРЕРАБОТКИ»

➤ Продолжение. Начало на с. 4

2. В комиссию обратилась Раиса Васильевна Байбак, 1935 г.р. Ее отец Василий Семенович в начале войны ушел на фронт и вскоре попал в плен. Из плена ему удалось бежать, он добрался до родного села, где 2 года скрывался от немцев. После освобождения села советскими войсками В.С.Байбак был арестован и расстрелян как изменник родины. Он до сих пор не реабилитирован.

3. Ираида Николаевна Челомбитко родилась в 1923 году. Ее родители были раскулачены, семье удалось убежать в Харьков и таким образом избежать ссылки в Сибирь. Пришел 1941 год. Эвакуироваться из Харькова было сложно, и семья осталась в городе. Ираида была студенткой 1-го курса университета. Чтобы спасти себя и свою семью от голода, она пошла работать к немцам переводчиком. Это спасло ее от угона в Германию, а родителей от голодной смерти. После войны ее арестовали и дали 10 лет за сотрудничество с немцами. Когда вышел закон о реабилитации, она обратилась в СБУ и получила разъяснение, что, поскольку ее обвиняли в пособничестве немцам, она не может быть реабилитирована. К тому же в дневнике, который Ираида Челомбитко вела со школьной скамьи, она сравнивала оккупационную и советскую власть и написала, что, кроме горя, разрухи, голода и нищеты, они обе ничего крестьянству не принесли. Доказательства сотрудничества с нацистами отсутствовали, но это не помешало покарать ее.

Пересмотр дел, в которых говорилось об измене Родине, о пособничестве немцам, о вооруженном сопротивлении властям и т.д., так и не состоялся. В таких делах автоматически отказывали в реабилитации. Но хотя моя многолетняя (1990–2009 гг.) практика работы в Харьковской городской комиссии по вопросам восстановления прав реабилитированных дает основания считать, что во многих случаях отказ в реабилитации был несправедливым, все же, на мой взгляд, нельзя утверждать, что он всегда был необоснованным. Достаточно вспомнить о Волынской резне в 1943 году с активным участием УПА-Волынь. Следовательно, необходимо провести тщательное и неформальное изучение всех архивных дел не реабилитированных граждан, осужденных по политическим обвинениям.

МОЖНО ЛИ РЕАБИЛИТИРОВАТЬ ЧЕНИСТОВ?

Вопрос кажется риторическим. Конечно, нельзя! Однако закон открывает путь к реабилитации бывших исполнителей репрессий.

Авторы законопроекта допустили серьезную ошибку, открыв возможность реабилитации «чужих», когда отказались от еще одного положения статьи 2 действующего закона: «Не подлежат реабилитации также лица, осужденные за преступления против правосудия, связанные с применением репрессий, даже если они сами впоследствии подверглись репрессиям».

Вспомним, что палачей из НКВД репрессировали те же внесудебные органы по тем же сфальсифицированным обвинениям, за которые в новой редакции закона предусмотрена безусловная реабилитация. Например, Лаврентий Берия был обвинен в шпионаже в пользу Великобритании. Всеволод

Балицкий¹ был обвинен в организации «антисоветского мятежа в НКВД УССР» и в особом порядке приговорен к расстрелу. Обоим попыткам реабилитировать и получили отказ. А теперь, по новому закону, ничто не мешает реабилитировать Балицкого, одного из архитекторов Голодомора 1932–1933 гг., прямые потери от которого — около 4 млн человек! Ничто не мешает реабилитировать и других палачей Украины. Указанное положение обязательно должно быть сохранено.

ДОЛЖНЫ ЛИ ПОСТРАДАВШИЕ ОТ РЕПРЕССИЙ ПОЛУЧИТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ?

В новой редакции закона вводится категория «потерпевшие от репрессий», которыми признаются супруг репрессированного, дети и «другие лица, которые на момент совершения репрессии совместно проживали, были связаны общим бытом с репрессированным лицом или находились на содержании репрессированного лица». Однако на жертв репрессий не распространяются меры социальной помощи, предусмотренные для реабилитированных, что выглядит крайне странно, особенно на фоне российского закона о реабилитации, по которому социальная помощь предусмотрена и для реабилитированных, и для пострадавших от репрессий. Это не что иное, как чистая дискриминация, запрещенная украинской Конституцией и законодательством. Кроме того, на мой взгляд, дети, которые содержались в спецприемниках и распределителях НКВД, детских домах, а также были вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, на спецпоселении или высланы, а также родились в этих местах до освобождения родителей, должны получить статус реабилитированных, а не потерпевших от репрессий, и автоматически реабилитироваться.

Действительно ли решение законодателя о социальной помощи пострадавшим от репрессий было бы обременительным для бюджета? Сколько осталось детей бывших «врагов народа»? Сегодня мало кому из них меньше 70 лет. В Харькове, например, социальную помощь за счет городского бюджета получают все дети реабилитированных, их около 300. Исходя из этого, можно оценить количество представителей этой категории жертв репрессий на большей части Украины. На западе страны детей репрессированных значительно больше, но там и социальная помощь для них на значительно более высоком уровне за счет местных бюджетов. Следовательно, отсутствие в законе мер социальной помощи для потерпевших от репрессий представляется и несправедливым, и неразумным.

ВСЕ ЛИ ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ РЕАБИЛИТИРУЮТСЯ ПРИНЯТЫМ ЗАКОНОМ?

В новой редакции закона существенно обновляется терминология (хотя почему-то законодатель забыли дать определение ключевого понятия «реабилитация»), определяются формы репрессий, «признаки осуществления репрессий». Однако наличие признаков осуществления репрессий в указанной форме еще вовсе не означает, что жертва этой репрессии будет реабилитирована, кроме случаев решений внесудебных органов. Задача охватить все

категории политических репрессий, по-моему, так и не была решена до конца.

Реабилитированными признаются лица, которые «были обвинены или которым было назначено наказание по решению внесудебного органа независимо от действия или мотивов обвинения или назначения наказания» или в отношении которых были осуществлены репрессии в формах, определенных законом, «по решению другого репрессивного органа, если установлен факт осуществления репрессий против таких лиц по классовым, национальным, политическим, религиозным, социальным мотивам» или если «установлена недоказанность вины этих лиц в совершении преступления или административного правонарушения». Также реабилитируются те, кто был репрессирован «за недонесение (несообщение) о совершении или подготовке к совершению другим лицом деяния», если это лицо потом было реабилитировано.

Категории политических и других мотивов являются оценочными, и до сих пор практика складывалась так, что если обвинения не были связаны со статьями, по которым закон предусматривает автоматическую реабилитацию, то шансы на реабилитацию мизерны, а в случае психиатрических репрессий — практически отсутствуют. К сожалению, в новой редакции закона ситуация еще хуже: автоматическая реабилитация предусмотрена только в случаях решений внесудебных органов, а для других органов — только, «если дела ... были приостановлены во время следствия, предварительного (досудебного) следствия или закрыты при отсутствии события преступления, отсутствия состава преступления, недоказанности участия лица в совершении преступления» и в случае обвинения в совершении определенного круга преступлений, статьи УК по которым перечислены в пунктах 1–5 статьи 2. Следует признать, что этот список не является полным. Например, в списке нет статьи 138 Уголовного кодекса в редакции 1960 года — нарушение законодательных актов об отделении церкви от государства и школы от церкви, статьи 209 — посягательство на личность и права граждан под видом совершения религиозных обрядов, статьи 72 — уклонение от призыва на срочную военную службу (санкция до 3 лет лишения свободы). Значительная часть верующих протестантских церквей были приговорены по статье 72 за отказ от службы в армии по религиозным мотивам. Это баптисты, пятидесятники, иеговисты, адвентисты седьмого дня и другие — в Украине представлено 18 протестантских церквей. В советский период, когда не было закона об альтернативной службе, за отказ от службы в армии верующие до 28 лет успевали отсидеть 2 раза по 2–3 года. На мой взгляд, это типичные узники совести, которые должны быть реабилитированы в обязательном порядке.

Окончание на с. 11 ➤

1. Балицкий Всеволод Аполлонович (1892–1937). С 1 сентября 1923 г. — председатель ГПУ УССР. С 31 июля 1931 г. — третий заместитель председателя ОГПУ СССР. С 20 февраля 1933 г. — председатель ГПУ УССР и по совместительству заместитель председателя ОГПУ СССР. С 10 июля 1934 г. — нарком внутренних дел УССР. С 11 мая 1937 г. — начальник УНКВД по Дальневосточному краю. Балицкий был арестован 4 июля 1937 г., осужден на смерть и расстрелян 27 ноября 1937 г. См. <http://khp.gov/index.php?id=1526294378&>

На снимке: Евгений Захаров. Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

ЕВРОПЕЙЦЫ В БРЯНСКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ

18 мая, в Международный день музеев, председатель Брянского «Мемориала» Николай Поляков обнародовал в Музее старины сведения о Брянском концентрационном лагере, решение о создании которого было принято в августе 1919 года.

О начальном этапе функционирования Брянского и Бежицкого концлагерей нет никаких сведений. Сохранились материалы фонда Р-2376 Госархива Брянской области, главного источника для исследователей.

Под архивным шифром Р-2376 содержатся более 300 документов: инструкции, докладные начальников лагерей, записки и аналитические материалы.

В этих делах и биографии осужденных поляков, крестьян, рабочих и служащих. В документах сами начальники лагерей описывают бедственное положение узников (условия содержания, питание, одежда, обувь...). Все цитаты в тексте — из этих докладных и других документов.

Лагерь располагался в трехэтажном каменном корпусе бывшей тюрьмы — 19 общих камер, 3 комнаты для мастерских, 3 образовательных-просветительных помещения.

Это был лагерь европейских народов: в нем содержались австрийцы, венгры (мадьяры), чехи, словаки, больше 470 поляков (среди них — 21 офицер). Более половины заключенных содержались в подразделении в городе Бежице, ставшем потом самостоятельным, вторым, концлагерем. В Брянском концлагере было более 10 петлюровцев, трое — из частей С.Н.Булак-Балаховича. Все они были военнопленными Первой мировой и Гражданской войн. Кроме того, в лагере содержались местные политзеки и уголовники: на 1 октября 1920 года из 115 гражданских лиц 23 были осуждены по политическим мотивам, 92 — по уголовным. К концу 1921 года из двух с половиной сотен эзков было 7 «контрреволюционеров», 16 «шпионов» и «подозревавшихся в шпионаже».

Значительная часть заключенных были осуждены на срок от 1 до 3 лет, некоторые — на 5 лет, а большинство — от недели до полугода и даже на 3–5 суток. Были и неопределенные сроки — «до особого распоряжения», «до конца Гражданской войны». Но, судя по всему, брянская большевистская фемиды тогда еще не вошла во вкус массовых кровавых репрессий.

ПОЛЯКИ

Думаю, что о судьбах своих предков, помещенных в Брянские концлагеря в 1920-е годы, хотели бы знать их потомки, проживающие в Польше и в других странах, но они, скорее всего, ничего не знают об этих узилищах и теперь, узнав о них, расскажут многим. Ныне же сможем поведать лишь о некоторых польских заключенных.

Подпоручик дроздовской дивизии С.Г.Малишевский, добровольно вступивший в армию А.И.Деникина, за «недосказанность его вины» не был осужден, но «в связи с событиями на фронте», да еще «как принадлежащий к польскому дворянству» находил-

ся в лагере в качестве... заложника! Власти упреждающе придумали таких заключенных — мол, если ваша Польша будет нас побеждать, мы вас тогда — к стенке!

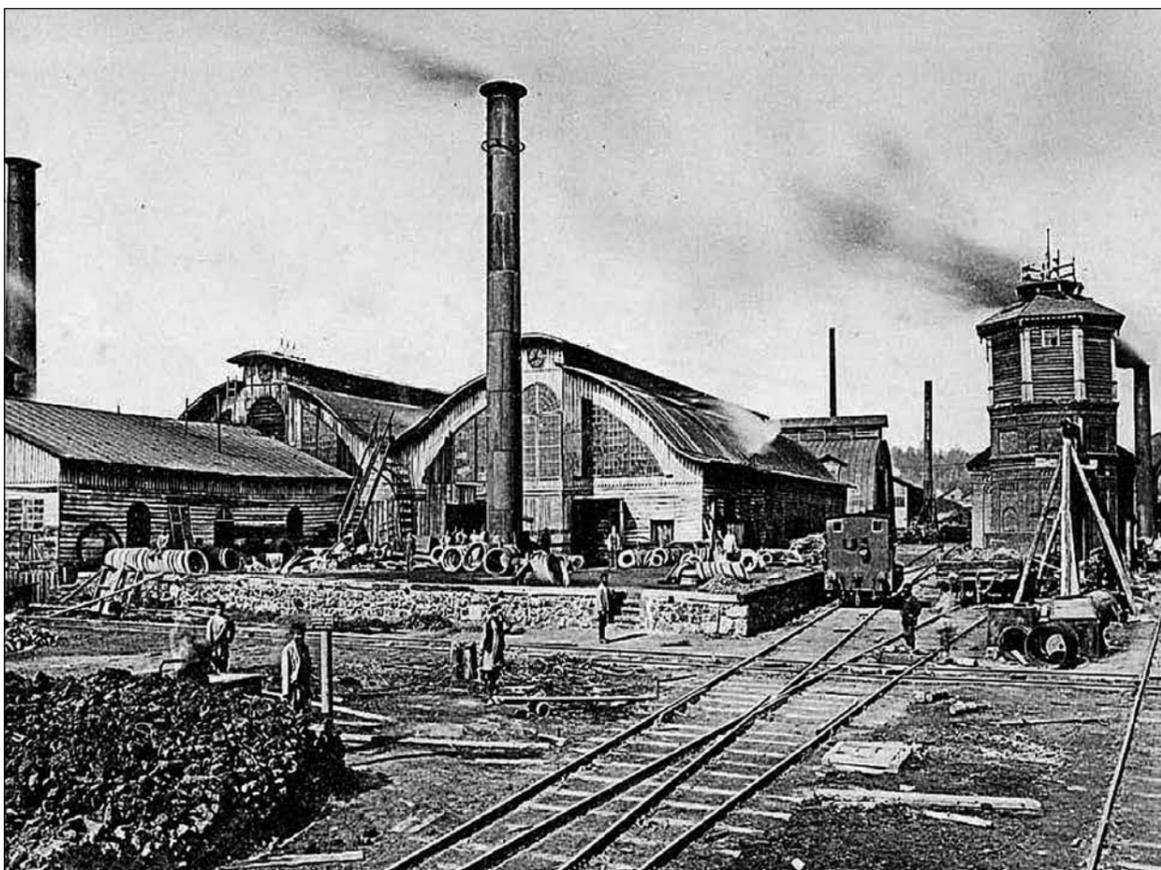
На всякий случай, в связи с советско-польской войной, поместили в лагерь и И.Л.Шукевича, который при царе закончил Академию генштаба, служил в генштабе офицером, а в 1918 году, закончив режиссерско-театральные курсы в Москве, решил связать свою жизнь с театром. Но во время Гражданской войны нужны были военспецы, именно такие, как Иван Людвигович. И вот он в Красной армии. Был начальником штаба 46-й стрелковой дивизии, освобождавшей от денкинцев город Севск и соседствующие с Брянщиной территории, а в начале 1920 года сражался с войсками Врангеля в Южной Таврии. Именно по разработке Шукевича была проведена знаменитая ночная наступательная операция в конце февраля 1920 года — 46-я дивизия захватила около тысячи пленных, 14 орудий и много разных трофеев.

Но эта победа не спасла Шукевича от свержительных большевиков. В конце марта 1920 года его арестовали и отправили в особый отдел 13-й армии, оттуда — в особый отдел Юго-Западного фронта в Харькове, затем — в Москву, в Бутырскую тюрьму. Дивизионный командир Р.П.Эйдеман и дивизионный комиссар Л.З.Мехлис протестовали против ареста невинного Шукевича, но на их протесты карательные органы не обратили внимания. После ареста Ивана Людвиговича допросили один раз и, не предъявив официального обвинения, решением ВЧК осудили на 5 лет. Сначала его отправили в Андроньевский концлагерь в Москве, потом — в Смоленский, а с конца мая 1922 года — в Брянский концлагерь.

Иван Шукевич не знал о причине своего ареста. Своими заявлениями, в одном из которых он предполагал, что «был жертвой какого-нибудь доноса на личной почве или же арестован как носящий польскую фамилию, ибо только что началась война с Польшей», он не добился освобождения, но все же срок ему сократили до 3 лет 4 месяцев без каких-либо объяснений. Тогда ни в чем не виновный прославленный лидского уезда Виленской губернии, отошедшей к Польше, стал требовать включения его в списки поляков, подлежащих репатриации.

САДОВОД

Польский садовод М.И.Домбский, уроженец Люблинской губернии, в Первую мировую войну бежал из родных мест и обзавелся семьей в деревне Липовке Трубчевского уезда (сейчас — Брянская область). К 1920 году у него было уже две дочери — 2 и 3 лет. Его осудили на 5 лет заключения в Брянском концлагере «за агитацию среди крестьян против Советской власти, а

также и защиту дезертиров и запугивание темной крестьянской массы в скором возвращении помещичьей власти», а также «принимая во внимание период только что начавшегося наступления белополяков на Советскую власть». Вот это последнее и было истинной причиной приговора — в то время принадлежать к польской нации было смертельно опасно. В начале 1921 года Домбский бежал из концлагеря. Его задержали и решением коллегии отдела управления Брянского губисполкома срок наказания «за побег с работы» увеличили пятикратно — до 25 лет. По «Инструкции о лагерях принудительных работ», действовавшей с 1919 года, за побег первый раз заключенному увеличивался срок «до 10-кратного размера первоначального заключения». Для устрашения других заключенных приговор Домбскому решили опубликовать в печати.

КОНТИНГЕНТ

В 1920 году в концлагере оказались без вины виноватые русские крестьяне деревни Яковской Трубчевского уезда И.Ф.Коршунов и П.В.Сенин. На перевыборном собрании членов сельсовета они призывали избирать сельчан, которым доверяют крестьяне, а партактив требовал не избирать негодных к советской власти. Суд установил антисоветский характер выступлений Коршунова и Сенина, и они получили по 5 лет каждый.

В 1920–1921 годах власти активно привлекали граждан к принудительному труду: заготовке дров, расчистке железнодорожных путей от снега и другим работам. Уклонение от работ считалось дезертирством с трудового фронта и каралось концлагерем.

В лагерь мог попасть любой — «за неявку на работу», «за небрежное отношение к службе и недисциплинированность, выразившиеся в дерзких ответах завхозу», «за самовольные отлучки от службы», «за небрежное отношение к народному имуществу», «за самовольную порубку леса», «за халатное отношение к своим обязанностям», «за самовольное дезертирство с работы», «за поломку забора в летнем театре», «за появление в нетрезвом виде».

В концлагере оказались сотрудники губпродкома, санитарки запасного 211-го госпиталя, машинистка брянского губсоюза, милиционер железнодорожной милиции, крестьяне, делопроизводитель 851-го госпиталя, слесарь станции Клетня, плот-

ник и печник брянского губкомгоссора...

Сотрудники партийных, советских, хозяйственных, правоохранительных органов тоже оказывались в лагере. Но если арестованный занимал выборную общественную должность, то его участь в то время могла быть смягчена. Так, С.Аграновича осудили «за систематический невыход на службу и разгильдяйство» на 5 суток «с исполнением служебных обязанностей», «принимая во внимание, что он является председателем комитета служащих брянской швейной фабрики «Игла».

А вот жителей Карачевского уезда Н.И.Дмитриева, Н.И.Туркова и Е.Ф.Федотова осудили на 3 года лагерей за то, что они не захотели служить в Красной армии, да еще пытались дать взятку за освобождение из-под ареста.

Сейчас трудно сказать, за реальные ли преступления осудили заведующего уголовного розыском города Карачева А.П.Судакова. Его расстреляли «за систематическое вымогательство взятки с арестованных и их родственников, укрывательство злостных дезертиров, шантажирование служебным положением...».

БЕЖИЦКИЙ ЛАГЕРЬ

Труд был обязательным. Заключенных доставляли на работы, как правило, по нарядам брянских организаций и предприятий, а с июля 1921 года ээки работали на бездействующем с 1915 года кирпичном заводе. Ими вручную, без кабеля для пуска мехлинии, были выпущены 135 тысяч штук жженого кирпича — тяжелейший, поистине рабский труд.

Бежицкий лагерь изначально был подразделением Брянского, позже он стал самостоятельным. В нем было 4 барака, обнесенных деревянным забором с колючей проволокой, в которых раньше жили рабочие. Средняя вместимость каждого барака была около 80 человек. До 200 узников ежедневно привлекалось в цеха Брянского (до революции — рельсопрокатного) завода.

Как следовало из акта команданта Брянского концлагеря Платонова от 21 октября 1920 года, на всех находившихся там пленных европейцах, большинство из которых были поляки, «белье совершенно грязное и порванное». В январе 1921 года тот же Платонов, назначенный командантом Бежицкого концлагеря, сообщал: «Снабжение бельем и обувью удовлетворительное» (обувь шили

в лагере), но «постельных принадлежностей совершенно нет, и на все требования таковых» следовал ответ, что «матрацев, наволочек и других постельных принадлежностей нет». Что касается верхней одежды, «летнее обмундирование износилось, а зимнего, за исключением 125 шапок и 125 фуфаяк, нет, ...а выдана заводом производственная брезентовая одежда».

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ

В Брянском концлагере обеспечение обмундированием было намного хуже. Самая большая проблема состояла в снабжении заключенных постельными принадлежностями, одеждой, обувью. В сентябре 1921 года командант докладывал, что «долгосрочные заключенные со дня организации лагеря в 1920 году не получают ни белья, ни обуви, ни обмундирования».

Зимой 1920 — 1921 года в лагере было очень холодно и сыро, так как дров было недостаточно, а для их доставки из леса у брянских властей не было транспорта, да и эзков опасались направлять в лес на заготовку дров из-за угрозы побегов. В бараках не было нормального санитарно-гигиенического режима, заболела часть заключенных составляла 15%, но при этом смертность была небольшая. В официальном отчете руководство лагеря сообщало, что из почти полутысячи польских пленных за лагерный год в лазарете умерло пятеро, один поляк был убит электротокком.

Кормили узников в то время ничтожными госпайками, на которых трудно было выжить, и организации, где трудились ээки, немного пополняли их питание за свой счет. И еще спасало от голода собственное хозяйство концлагеря. В 1921 году заключенным разрешили засеять 2,5 десятины гречихи и посадить 2 десятины картофеля. Осенью 1921 года Брянскому лагерю передали свыше 130 десятин земли совхоза «Мякишево» — пашню, огород, сад, сенокосы. В начале 1922 года больше половины еды ээки получали за счет концлагеря, вернее, благодаря своему труду. В это время уже был запланирован перевод всех лагерей в стране на самообеспечение.

Николай ПОЛЯКОВ,
Брянский «Мемориал»

На снимке: Завод в г.Бежица, где трудились узники концлагеря, 1930-е годы
Фото Госархива Брянской области

ПЕСНИ ИЗ ТУЛЫ

Конечно, мы знали, что наш дедушка Василий Евдокимович Песня был по-смертно реабилитирован. Знали, что он ни в чем не был виновен. Кто бы сомневался! Но справку о реабилитации не видели. Было это в 1989 году... И вот, когда информация о нем готовилась для Книги памяти жертв политических репрессий, понадобился документ о реабилитации.

Когда выдавали документы о реабилитации, нашего отца Николая Песни уже не было в живых и справку выслали его братьям Павлу и Александру, живущим в Брянской области, которые нам об этом сообщили. Я позвонила в Брянск своей двоюродной сестре Светлане, дочке Александра, и попросила найти справку. Долго ее искать не пришлось. «Папа очень бережно относился ко всему, что связано с семьей, — сказала сестра. — Каждую бумажку хранил». Справку отсканировали и по электронной почте переслали в Тулу. Получила ее, держу лист бумаги в руках и сердце сжимается...

«В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» внесудебное решение от 15 ноября 1937 года в отношении Песня Василия Евдокимовича

Василия Евдокимовича 1882 г.р., колхозника колхоза «Красный пахарь» Мглинского района Брянской области, отменено, и он считается реабилитированным».

Наш дед Василий Евдокимович Песня был талантливым строителем. С бригадой он ездил по округе и ставил дома. Работал дед не покладая рук — надо было кормить большую семью, шестерых детей. Когда удалось накопить денег, дед решил купить мельницу. Ее-то он купил, да вот хлеб смолоть только один раз и успел...

К Василию Песне односельчане относились хорошо, и, когда началась борьба с кулаками, к деду пришел председатель только что образовавшегося колхоза и предупредил: «Знаешь, Василий, ты в списке. Завтра вас в Сибирь угонят. Готовься...» Это предупреждение спасло семью деда. Домашние успели подготовиться — впереди была целая ночь... Феодора

(наша бабушка) кидалась из одного угла избы в другой, хватала детей и заливалась слезами: «За что?! Почему?! Как бросить дом?! Как спасти детей?!» Но дед собрался духом, надо было многое успеть сделать. По опыту своих «предшественников» семья приблизительно знала, сколько вещей и багажа им разрешат взять с собой. Отбирали самое необходимое — то, что спасет в долгом пути и в далекой Сибири. Дед принял решение зарезать свинью. За ночь засолили сало и плотно-плотно, кусок к куску, уложили его в сундук. Именно это сало, как рассказывал потом отец, спасло их семью от голода.

Как ехали раскулаченные, как обустроивались на новом месте, нам, детям, известно только в общих чертах. Когда они прибыли в Сибирь, их оставили в чистом поле. Не было даже бараков. Рыли землянки. Многие погибли от холода и голода... У старшей взрослой сестры отца — Ксении — там остались муж и двое новорожденных близнецов...

Образованное ссыльными поселение почти не охранялось, и в начале лета Василий Песня вместе со своей семьей сумел уйти из лагеря. Вернулись в родную деревню, надеясь, что больше их не тронут. И действительно, целый год не трогали. Но на следующую осень за отцом семейства вернулись. «Черный воронок» увез его, в этот раз одного и навсегда... Василий Песня был по-смертно реабилитирован через 52 года.

Сегодня трудно даже представить, сколько пришлось пережить семье, оставшейся без кормильца, как растить детей в семье «кулака», сгинувшего в недрах ГУЛАГа. Наша бабушка отдавала все силы, чтобы поднять их на ноги.

Что они ели-пили в те тяжкие годы, как ждали весточки от сгинувшего без вести, как им было больно, как страшно, как невыносимо тяжело, — можно только предполагать... Отец о том времени ничего нам не рассказывал. Он нас воспитывал в беспрекословной, не терпящей никаких сомнений любви к Родине, как бы ни сложились обстоятельства и как бы ни были они жестоки по отношению к тебе...

Началась Великая Отечественная война. Сыновья Василия Евдокимовича Песни рвались на фронт. Ушел воевать старший, Павел. Младший, Александр, был совсем

юно. Моему отцу Николаю еще не исполнилось 18 лет (он родился 19 августа 1923 года), на фронт его не взяли, и отец сначала партизанил в брянских лесах, а уж потом попал в действующую армию. В 18 лет он стал хорошим сапером, хотя никогда не говорил об этом. Об этом говорят его солдатские награды и тот факт, что из саперов отца взяли в разведку (известно, что отбирали туда самых-самых).

Однажды я, будучи школьницей младших классов, спросила: «Папа, почему ты никогда не рассказываешь про войну? Вот к нам в школу бывшие фронтовики приходят, много всего рассказывают...» — «А что можно рассказать о войне? — ответил отец. — Ничего в ней нет хорошего...»

И все. Это были слова солдата, воевавшего с первого до последнего дня, закончившего войну в Праге... Наверняка ему было что рассказать. Только, видимо, не хотел походя говорить о столь глубоко ранящих вещах.

В моей памяти навсегда осталась картина, иллюстрирующая отношение отца к войне, к фронтовому братству. В начале 1970-х годов в совхозе «Свободный», директором которого тогда был мой отец, проводили перезахоронение останков бойцов, погибших в боях в тех местах. Я помню выражение лица отца, отрешенный взгляд, сутулость плеч, опущенные руки... Тогда я не анализировала увиденное, просто сознание отложило эту картину в дальний угол памяти. И только много лет спустя я поняла, что значила эта отрешенность... Отец в тот момент мысленно был не у братской могилы, где звучала траурная музыка. Он мыслями был далеко и заново переживал гибель товарищей, трагедию войны, про которую ему всегда было трудно говорить...

Николай Песня закончил войну в Праге, вернулся домой. Живым вернулся с фронта и брат отца Павел. Успел повоевать даже младший, Александр. Но в годы войны умерли от тифа их сестра Женя и еще один брат. Сестру Ксению во время оккупации деревни Малышевки фашисты жестоко избили за связь братьев с партизанами и их службу в Красной армии. Ксения долго болела, умерла молодой...

А отец после войны работал как одержимый. Руками отца и под его руководством — он работал агрономом,

управляющим отделением, — были посажены сотни гектаров садов в Орловской и Тульской областях.

Отец работал куда его только ни «бросали», где требовались его знания, руки, опыт. «Ездил за ним как за военным», — говорила мама. Николай Васильевич успешно закончил сельхозакадемию, умный человек, толковый специалист — его нельзя было не заметить. Не раз его приглашали в обком партии, предлагали возглавить хозяйство. Но для этого необходимо было состоять в рядах коммунистической партии. «Пиши заявление, — говорили ему. — Тебя обязательно примут». Он писал, но в анкете никогда не забывал указать, что отец репрессирован. Когда выяснилось, что кандидат сын «врага народа» и отречься от отца не собирается, в партию его не принимали. Так было несколько раз, пока первый секретарь обкома Иван Юнак в сердцах не сказал: «Да сколько можно, Николай, что ты сам себе карьеру губишь? Да не пиши ты ничего про отца в анкете, никто спрашивать не будет. Ты нам нужен!» Отец отказался. И тогда секретарь обкома решил: «Что ж, тогда я возьму грех на душу. Пиши, что хочешь, дальше мое дело...»

Отца приняли в партию и сразу поставили перед выбором: возглавить уже созданное хозяйство или организовать новое. Он решил организовать новое — совхоз «Свободный». Очень быстро хозяйство стало одним из лучших в области.

Говорят, история все со временем расставляет по своим местам. Что ж, и в данном случае историческая справедливость восторжествовала — наш дед реабилитирован. Только отец об этом не узнал...

30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, в Туле в сквере у памятного камня, а затем в Тесничком лесу проходят траурные мероприятия. Среди тех, кто приходит отдать долг памяти пострадавшим в те страшные годы, — мой внук (правнук Николая и праправнук Василия Песни) Сергей Подлесный со своей однокашницей Анной Почуевой, у которой тоже был репрессирован дедушка со всей семьей...

Ольга ПЕСНЯ,
Тула

На снимке: Справка о реабилитации В.Е.Песни

ЛАГЕРНЫЕ ОТКРЫТКИ

В апреле 2018 года Тульский «Мемориал» решил заявить на конкурс издательских грантов проект изготовления баннеров с рабочим названием «Письма папе», в котором будут показаны лагерные открытки Ольги Швагерус с цитатами из личных воспоминаний.

Ольга Швагерус с детства рисовала. Ее уцелевшие открытки из лагеря, в которых она поздравляет своих родителей, чаще отца, хранятся в школьном музее города Шекино. В них в полной мере отражается глубинная немецкая культура как мечта об уютной и

комфортной жизни — «пряничные» домики с заостренными крышами, гномики...

«30 октября» подробно писала о судьбе Ольги Юльевны в № 132. Напомним: Ольга Юльевна родилась в 1924 году. Отец — немец, мать — русская. В 1941 году семью

Швагерус как врагов народа из-за немецкого происхождения выселили в Сибирь, в деревню Усманка Томской области, где они работали за трудодни в колхозе. Чтобы отправиться на трудфронт, Ольга вышла замуж и взяла фамилию мужа, не немецкую. Но ее муж не успел сняться со старого военного учета и встать на новый в трехдневный срок, как это следовало сделать по законам военного времени. Как дезертир он был объявлен вне закона и вынужден был скрываться.

Первый раз Ольгу арестовали в гостях у подруги. Пригрозили тюрьмой и статусом изменни-

ка Родине, если она не подпишет обязательство указать властям местонахождение мужа. Семья долго скрывалась в лесу, где муж Ольги умер. Она перебралась к родственникам мужа, где была арестована во второй раз и приговорена к 10 годам лагерей.

В колонии ей хотелось поздравить с праздниками своих друзей и близких, и она стала рисовать открытки сначала для себя, а потом и для солагерников. В своих воспоминаниях Ольга рассказывает: «Возвращаясь с общих работ, я быстро расправлялась с похлебкой, залезала на верхние нары под

лампочку и до трех часов ночи рисовала открытки <...> по 100, 200, 300 штук и продавала их по рублю. В зоне открыли ларьки, в которых я могла купить что-нибудь съестное».

После освобождения Ольга уехала к своему отцу, освободившемуся раньше нее из лагеря и сосланному в Шекино, на тульские шахты.

Елена СЕРЕГИНА,
Тульский «Мемориал»

На снимках: Нарисованные открытки Ольги Швагерус отцу из лагеря

➤ Окончание. Начало на с. 3

волости Славгородского уезда Семипалатинской губернии. Там он пробыл до октября 1919 года. В деревню Девятую пришли белочехи. Лелькиша взяли в плен и поставили работать истопником в вагонах в городе Славгороде, где он пробыл 2 недели. Затем сбежал. Но белочехи снова его поймали, арестовали и посадили на 40 дней в тюрьму. С приходом красных Лелькиш получил свободу и уехал в Омск. Там он работал по найму у одной вдовы до апреля 1920 года, а затем из Омска приехал в село Чаши.

Показания из материалов следственного дела: «В белых армиях не служил и в банде не участвовал, когда в селе Чаши находилась банда, они мне предлагали встать на пост для охраны Чаши от красных. Я отказался. У меня в Венгрии в городе Шарушпатск остались жена и сын, с которыми я поддерживаю связь письмами, последнее писал в 1935 году. С 1932 года писал заявление в Венгерское консульство с просьбой выехать в Венгрию, там порекомендовали обратиться в Финское консульство. Спрашивал у поляка, который приезжал в Чашу по вопросам пчеловодства о родных за границей».

Писал Иван Иванович и в австрийское посольство, где ему ответили, что он не является подданным Австрии. От Международного Красного Креста он получил разрешение на выезд, но только для него одного, а у него в селе Чаши уже появилась новая семья — жена Агриппина Демидовна Шелепова, дочь Екатерина (1921 г.р.), сын Иван (1929 г.р.).

Ему предъявили обвинение по ст. 58, п. 6, 11.

На вопрос, какую диверсионную работу он делал, отвечал: «По заданию Радчука собирал шпионские сведения о продовольственных запасах Чашинского района, о недомыках, наличии автомашин и тракторов».

СТОРОЖ ИЗ ЗОЛОТОЙ ГОРЫ

Из материалов дела можно сделать вывод, что в Чашинском районе, в ближних деревнях, жило довольно много бывших военнопленных, в том числе венгров, с которыми общался Иван Лелькиш.

Таким образом, из всех свидетелей только один (на момент опроса ему шел 105-й год!!!) дал косвенно негативные показания, касающиеся

ностальгических воспоминаний Лелькиша о родине.

Лелькиш Иван Иванович умер 9 мая 1938 года в Челябинской тюрьме. Диагноз — «старческая слабость».

В 1964 году его дело было прекращено. В этом же году его дочь написала письмо в Москву. В деле сохранился конверт (Москва, ГУЛАГ,

Свидетели по делу:

1. Полков Григорий Степанович (1891), директор заготконторы Чашинского района, рассказал, что Лелькиш работал с 1921 г., добросовестно служил в кредитном товариществе конюхом и сторожем;
2. Старцев Петр Никифорович (1890), конюх, знал Лелькиша с 1918 г., еще военнопленного, рассказал о нем только хорошее;
3. Павлов Александр Георгиевич (1914), зампреда Чашинского сельсовета, и
4. Астафьев Роман Самойлович (1890), рядовой колхозник, только хорошее сказали;
5. Васильев Антанид Михайлович (1907), дежурный машинист паровой мельницы — «знаю, жил в соседях с 1926 г. на мельнице до 1935 г., только положительно характеризует»;
6. Павлов Павел Ефремович (1904), пимокатный кустарь, «жил в соседях у Шелеповой А.Д.»;
7. Астафьев Антон Самойлович — 63 года;
8. Соколов Филипп Яковлевич (1833), колхозник, «я работал сторожем, а Лелькиш свиномаром в 1925 г. на мельнице, в разговорах он все вспоминал вот у нас в Венгрии... как бы уехать на Родину!».

спец. отдел, от Е.И.Лелькиш). Екатерина Ивановна просила дать ей информацию об отце, а также вернуть семье фотографии, которые были изъяты при аресте (единственная фотография отца и фотография его сына Ивана от первого брака, 1914 г.р., который жил за границей). В описи дела есть запись, что фотографии действительно были при аресте изъяты, но самих фото нет.

В 1994 году Екатерина Ивановна Быкова (Лелькиш) была признана жертвой политических репрессий. Почему только в 1994 году, если дело было прекращено на 30 лет раньше?

2015 год. Екатерина Быкова и внук Ивана Лелькиша Виктор живут в селе Чаши по улице Краснознаменной.

Екатерина рассказала, что, когда папу арестовали, ее брат Ваня вечером не ел, говорил ей: «Не буду кушать, пока папа не вернется...».

Она училась вместе с Михаилом Леонтьевичем Шаньгиным, хорошо его помнит, вместе в нем бывала на Золотой Горе.

Увидев у меня в руках Книгу памяти «Осуждены по 58-й», спросила: «Где можно купить?». Эта книга для нее была очень дорога — там

она нашла строки о своем отце. Оказалось, что она тоже 5 лет отсидела за отца, вышла в 1954 году.

Екатерина работала в Житниковской школе учителем 4-го класса, затем в райсобесе, все пенсионеры Кособродска были в ее ведении, во время войны помогала всем.

«А для меня эта встреча была настоящим чудом. Судьба девочки, оставшейся без отца, дочери, пытающейся найти хоть какую-нибудь информацию о родном человеке, не побоявшейся написать в Москву, в ГУЛАГ, женщины, прожившей сложную судьбу, вдруг предстала передо мной живой собеседницей», — рассказывала Светлана Анатольевна Архипова.

Подобные истории являются живыми свидетелями тех ужасных событий XX века, и поэтому на Золотой Горе должен быть достойный мемориал, куда не зарастет народная тропа!

Людмила БАЗАРОВА,
Курганский «Мемориал»

1. Пимокат — в Сибири валяльщик пимов, валенок.

На снимке: Захоронение найденных на Золотой Горе останков в 1989 году. Фото из архива Курганского «Мемориала»

ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВ: «НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ЗАКОНА ТРЕБУЕТ СУЩЕСТВЕННОЙ ПЕРЕРЕБОТКИ»

➤ Окончание. Начало на с. 4, 8

УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНА ЛИ НОВАЯ ПРОЦЕДУРА ПРИЗНАНИЯ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ РЕАБИЛИТИРОВАННЫМИ?

В этих условиях, когда надо оценивать наличие политического или иного мотива репрессии и надеждающий характер доказательств вины в архивных уголовных делах, очень важна процедура признания факта репрессии и принятия решения о признании лица реабилитированным или пострадавшим от репрессий. В новой редакции закона эта процедура коренным образом меняется. Решение принимается Национальной комиссией по реабилитации, которая создается при Украинском институте национальной памяти (УИИП), по представлению региональных комиссий при областных государственных администрациях. Национальная комиссия состоит из 9 членов, 5 из которых делегируются УИИП, парламентским Уполномоченным по правам человека, МВД, СБУ, Генеральной прокуратурой (очень удивляет отсутствие в этом списке представителя судебных органов, например Верховного суда Украины), а 4 представляют «на-

учные учреждения, осуществляющие исследования в области истории Украины XX века, общественные объединения, осуществляющие деятельность в сфере исследования истории Украины XX века и/или оказания помощи гражданам по вопросам, связанным с реабилитацией жертв репрессий тоталитарных режимов». Так же формируются региональные комиссии, но в них может быть до 11 членов, добавляются представители областных (городских — в Киеве и Севастополе) архивов и Советов народных депутатов. Положение о Национальной и региональных комиссиях готовится УИИП, он же формирует состав комиссий. Заявление о признании лица реабилитированным или пострадавшим от репрессий подается в региональную комиссию, которая изучает все необходимые источники и готовит представление в Национальную комиссию. Вся процедура не должна длиться более трех месяцев. При необходимости она может быть продлена не более чем на месяц. Решение Национальной комиссии может быть обжаловано в административном суде в порядке Кодекса административного судопроизводства Украины.

Вызывает сомнение такая централизация в принятии реше-

ния. До сих пор решения принимались региональными органами. В частности, комиссии по реабилитации при местных Советах народных депутатов вполне успешно рассматривали вопрос о репрессиях в административном порядке, и многочисленные прокурорские проверки не находили нарушений в их деятельности. Крайне сомнительно наделение комиссий функциями оценки допустимости доказательств вины в архивных уголовных делах. На мой взгляд, эти функции может выполнять только суд. Также жалобы на решение Национальной комиссии не может рассматривать административный суд — это прерогатива суда общей юрисдикции на основе КПК

(Уголовно-процессуальный кодекс Украины).

Следовательно, необходима доработка новой редакции закона.

ВЫВОДЫ

Обобщая, можно утверждать, что новая редакция закона требует существенной переработки, как парадигмальной, так и технико-юридической. По моему мнению, необходимо уточнить основные понятия и процедуру реабилитации. При этом оговорки, существующие в статье 2 действующего закона, должны быть сохранены. Региональные комиссии могли бы тщательно проработать архивные уголовные дела тех,

кому было отказано в реабилитации, и подготовить представление в суд, который и должен принять решение о признании лица реабилитированным. Признание лица реабилитированным в случае репрессий в административном порядке, а также признание лица потерпевшим от репрессий можно было бы оставить за региональными комиссиями, их отказ можно было бы обжаловать в Национальной комиссии.

Таким образом, новый закон необходимо изменить.

На снимке: Конвой раскулаченных крестьян.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

ИЮньСКИЕ И ИЮльСКИЕ ХРОНИКИ

1918. 11 июня

Декретом ВЦИК были учреждены комитеты бедноты (комбеды) — органы власти в деревне. Главной их задачей была экспроприация имущества зажиточных крестьян. Классовым врагом в деревне был объявлен зажиточный крестьянин — кулак. Возник термин «раскулачивание» (официально термин введен в постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»). По данным ВЧК, в июле-октябре 1918 года в Европейской части РСФСР произошло 108 крупных крестьянских восстаний и множество волнений, в которых, как правило, участвовало всё сельское население.

1938. 13 июня

Один из крупнейших советских чекистов, начальник Управления НКВД Дальневосточного края (единовременная численность заключенных достигала более 112 тыс. человек), депутат Верховного совета СССР Генрих Люшков, опасаясь ареста, перешел советско-маньчжурскую границу и сдался представителям японской разведки. С собой он захватил несколько направленных на его имя заявлений арестантов, написанных кровью. Убит начальником Дайренской военной миссии Японии Такеока; тайно кремирован под фамилией японского военнослужащего.

1943. Июнь

Приказом НКВД было объявлено положение о создании каторжных отделений исправительно-трудовых лагерей для приговоренных по указу Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». С 1943 г. по 1952 г. по указу было осуждено не менее 80 тыс. человек, из которых свыше 25 тыс. — иностранцы (в этой статистике дано общее количество осужденных по всем видам наказаний, предусмотренных указом, куда входила и каторга).

1948. 2 июня

Президиум Верховного совета СССР принял указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Общим собраниям колхозников и общим собраниям жителей сел и деревень предоставлялось право выносить общественные приговоры о выселении из села (деревни) лиц, «которые упорно не желают честно трудиться, подрывают трудовую дисциплину и своим пребыванием в селе угрожают благосостоянию колхозов, колхозников и их безопасности». Были введены новые внесудебные методы для подавления пассивного сопротивления колхозному строю. С 1948 г. по 1953 г. число выселенных с семьями, поэтому реальное число — более 46 тыс. человек.

1953. 17 июня

В Восточном Берлине вспыхнуло восстание против коммунистического правительства, позднее подавленное советскими войсками. В научной литературе приводится такая статистика: около 150 тыс. участников, 40 убитых (по другим данным — свыше 100), 400 раненых. Арестам и задержаниям подверглись

более 9 тыс. человек. К смертной казни были приговорены 6 человек, 4 расстреляли.

26 июня

В Кремле на заседании Президиума ЦК КПСС был арестован член Президиума, первый заместитель председателя Совета министров СССР, министр внутренних дел СССР, Маршал Советского Союза Лаврентий Берия. Берия был обвинен в шпионаже в пользу Великобритании и других стран, стремлении к ликвидации советского строя, реставрации капитализма и восстановлению господства буржуазии. Также его обвинили в моральном разложении, злоупотреблении властью, фальсификации тысяч уголовных дел на своих сослуживцев в Грузии и Закавказье и организации незаконных репрессий. В декабре дело Берии было рассмотрено Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР. Всех подсудимых (вместе с Берией перед судом предстали 6 его сподвижников — высокопоставленные руководители госбезопасности) приговорили к расстрелу. Реальной причиной ареста была борьба за власть. Берия расстреляли в бункере штаба Московского военного округа, а тело сожгли в печи Донского крематория.

1963. 16–17 июня

Произошли стихийные массовые беспорядки в г. Кривой Рог (Украинская ССР). Сам инцидент, ставший импульсом к волнениям, можно считать трагическим недоразумением. Нетрезвый солдат бесчинствовал в трамвае, сотрудник милиции с помощью пассажиров высадил хулигана из вагона и попытался его задержать, но тот вырвался и бросился бежать. Люди на улице восприняли погоню как нападение на солдата и стали его отбивать. В завязавшей потасовке травмы получил и солдат, и один из милиционеров, пришедших на помощь коллеге. Народ стал стекаться к зданию милиции. Милиционеры применили оружие, двое граждан получили ранения. На следующий день люди вновь собрались у районного отдела милиции и отказывались расходиться. Попытка разогнать собравшихся с помощью пожарных машин не удалась, а только обострила напряженность. Несколько человек ворвались в здание. В ответ началась стрельба с новыми жертвами. По официальным данным, 4 человека были убиты, 15 получили ранения. Молва увеличила число жертв до 7, а раненых и травмированных — до 200. К уголовной ответственности привлекли 41 человека.

1968. Июнь

50 лет назад в Самиздате распространяется футурологическое эссе Андрея Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». В июле, после публикации трактата

на Западе (где он произвел сенсацию), Сахаров был немедленно отстранен от всех секретных работ, однако советская пресса еще 5 лет замалчивала его критические выступления в Самиздате и зарубежной печати.

1978. 21, 28 июня

В Москве состоялись 3 судебных процесса над активистами еврейского эмиграционного движения Идой Нудель, Владимиром Слепаком (обвинялись в хулиганстве) и Иосифом Бегуном (обвинялся в нарушении паспортного режима). За мирные демонстрации на балконах своих квартир с требованием отпустить их в Израиль они были приговорены к 4, 5 и 3 годам ссылки соответственно.

1983. 13 июня

В Париже умер Вадим Николаевич Делоне — поэт, бывший политзаключенный, участник двух знаменитых публичных акций протеста:

демонстрации 22 января 1967 г. на Пушкинской площади и демонстрации семерых на Красной площади против ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию 25 августа 1968 г.

1988. 25 июня

В Москве около стадиона «Динамо» состоялся первый официально разрешенный митинг, созданный группой «Мемориал» и посвященный памяти жертв сталинских репрессий. На митинге выступили Андрей Сахаров, бывшие политзаключенные Лариса Богораз, Сергей Ковалев, Лев Тимофеев.

1918. 10 июля

На V съезде Советов принята первая Конституция РСФСР, которая лишила значительную часть населения страны гражданских прав и свобод. От участия в выборах отстранялись «все нетрудовые элементы, служители религиозных культов, бывшие полицейские, жандармы и другие представители эксплуататорских классов, свергнутых пролетариатом». Вводились не всеобщие, не прямые (многоступенчатые), не тайные (депутаты избирались открытым голосованием) и не равные (рабочие имели существенные преимущества перед крестьянами) выборы; свобода печати предоставлялась только трудящимся — с октября 1917 г. по июнь 1918 г. были закрыты или прекратили существо-

вание более 470 оппозиционных газет. Конституция РСФСР, принятая в 1925 г., не внесла принципиальных изменений в эту политическую систему, и она просуществовала до 1937 г.

1928. 6 июля

В Москве в Колонном зале Дома союзов Верховный суд СССР по делу об экономической контрреволюции Донбасса (Шахтинское дело) приговорил 49 человек к различным срокам лишения свободы или расстрелу (в итоге казнены были 5 человек). Это был один из первых показательных московских процессов, сопровождавшихся широкомасштабной пропагандистской кампанией и демонстрациями с требованием сурово покарать вредителей. Судебные слушания продолжались полтора месяца.

1958. 22 июля

В Сестрорецке умер Михаил Зошенко (р. 1894) — писатель-сатирик, с 1943 г. — объект многолетней идеологической травли партийной печати. Высказываются гипотезы, что среди причин травли была личная неприязнь Сталина, который, по одной версии, «опознал» себя в эпизодическом персонаже ленинских рассказов Зошенко, а по другой — увидел в рассказе «Какие у меня были профессии» (1933 г.) насмешку над ритуалами и фразеологией культуры личности вождя. После смерти Сталина Зошенко восстановили в Союзе писателей, но его слова, что он не согласен с оскорблениями в свой адрес (речь шла о печально известном постановлении ЦК 1946 г.), стали новым идеологическим проступком. Начались новые разбирательства, которые были мучительны для Зошенко, но от покаяния он отказался: «У меня нет выхода. Сатирик должен быть морально чистым человеком, а я унижен, как последний сукин сын... У меня нет ничего в дальнейшем. Ничего. Я не собираюсь ничего просить», — сказала он на общем собрании писателей Ленинграда в июне 1954 г.

29 июля

В Москве на площади Маяковского был открыт памятник поэту. Это стало импульсом к возникновению неофициального клуба любителей поэзии. Они стали собираться на площади (на «Маяке», «Маяковке») и читать стихи. К 1961 г. поэтические чтения и выступления у памятника приобрели отчетливо политический и оппозиционный характер. В августе-октябре 1961 г. четверо активистов «Маяка» — Эдуард Кузнецов, Владимир Осипов, Илья Бокштейн и Анатолий Иванов — были арестованы КГБ, других «маяковцев» начали допрашивать внесудебными преследованиями. Собрания на площади прекратились.

1968. 22 июля

За месяц до оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора Анатолий Марченко направил нескольким советским и иностранным газетам открытое письмо — предупреждение об угрозе военного подавления Пражской весны. Через несколько дней он был арестован в Москве, обвинен в нарушении паспортного режима (бывшим политзаключенным запрещалось жить в столице) и приговорен к 1 году заключения.

28 июля

Писатель, бывший политзаключенный сталинских лагерей Алексей Костерин и опальный генерал Петр Григоренко написали открытое письмо «К членам Коммунисти-

ческой партии Чехословакии» (письмо подписали также Валерий Павличук, Сергей Писарев, Иван Яхимович) в поддержку Пражской весны. На следующий день письмо было передано в посольство ЧССР в Москве. Одновременно было передано личное письмо Григоренко к первому секретарю ЦК КПЧ Александру Дубчеку с советами по поводу возможной обороны страны в случае советской интервенции.

1973. 10–16 июля

В Ленинградском городском суде слушалось дело геолога Георгия Давыдова и рабочего Вячеслава Петрова, обвинявшихся в хранении и распространении Самиздата. За антисоветскую агитацию и пропаганду они были приговорены к 5 и 3 годам лагерей соответственно, и каждый получил по 2 года ссылки.

1978. 13–14 июля

В трех городах СССР закончились суды над активистами Хельсинкского движения в СССР, около года откладывавшиеся из-за торжественных мероприятий 1977 г. (60-летие Октября, принятие новой Конституции). Подсудимые провели этот год в заключении. В Вильнюсе Верховный суд Литовской ССР приговорил инициатора создания и члена Литовской Хельсинкской группы, бывшего узника политических лагерей Виктора Пяткуса к 3 годам тюрьмы, 7 годам колонии особого режима и 5 годам ссылки. В Москве Верховный суд РСФСР вынес приговор участнику Московской Хельсинкской группы, активисту Еврейского эмиграционного движения Анатолию (Натану) Шаранскому. Он был одним из авторов идеи общественного контроля за выполнением хельсинкских соглашений. По приговору за измену Родине и антисоветскую агитацию и пропаганду он получил 3 года тюрьмы и 10 лет колонии строгого режима. Суд над ним вызвал одну из самых мощных международных кампаний в защиту прав человека в СССР. В дальнейшем вопрос о судьбе Шаранского неоднократно поднимался на переговорах западных лидеров с руководителями СССР. В Калуге областной суд приговорил за антисоветскую агитацию и пропаганду к 8 годам колонии особого режима с последующей ссылкой на 3 года другого члена-основателя МХГ, распорядителя фонда помощи политическим заключенным и их семьям Александра Гинзбурга. Никто из подсудимых не признал себя виновным (Пяткус отказался даже участвовать в суде).

1983. 22 июля

Верховный суд Армянской ССР приговорил за антисоветскую агитацию и пропаганду Георгия Хомизури, ученого-геолога, автора и распространителя Самиздата, к 6 годам лагерей и 3 годам ссылки. Рафаэль Папаян, ученый-филолог, правозащитник, участвовавший в деятельности Армянской Хельсинкской группы, был приговорен к 4 годам лагерей и 2 годам ссылки.

1998. 16–17 июля

Останки расстрелянных членов царской фамилии, их семейного врача и слуг были торжественно перезахоронены в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге.

На снимках: Автомобиль, взорванный во время подавления восстания, Берлин, 1953 г. Вадим Делоне.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва и Г.Файфа

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:

129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180

Тел. редакции: (495)699-6478

E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера участвовали

Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов

Выпускающий редактор Н.В.Савельичева

Литературный редактор Л.М.Алексеева

Корректор Г.В.Заславская

Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 144 от 16.07.2018 г. (июнь — июль 2018). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно